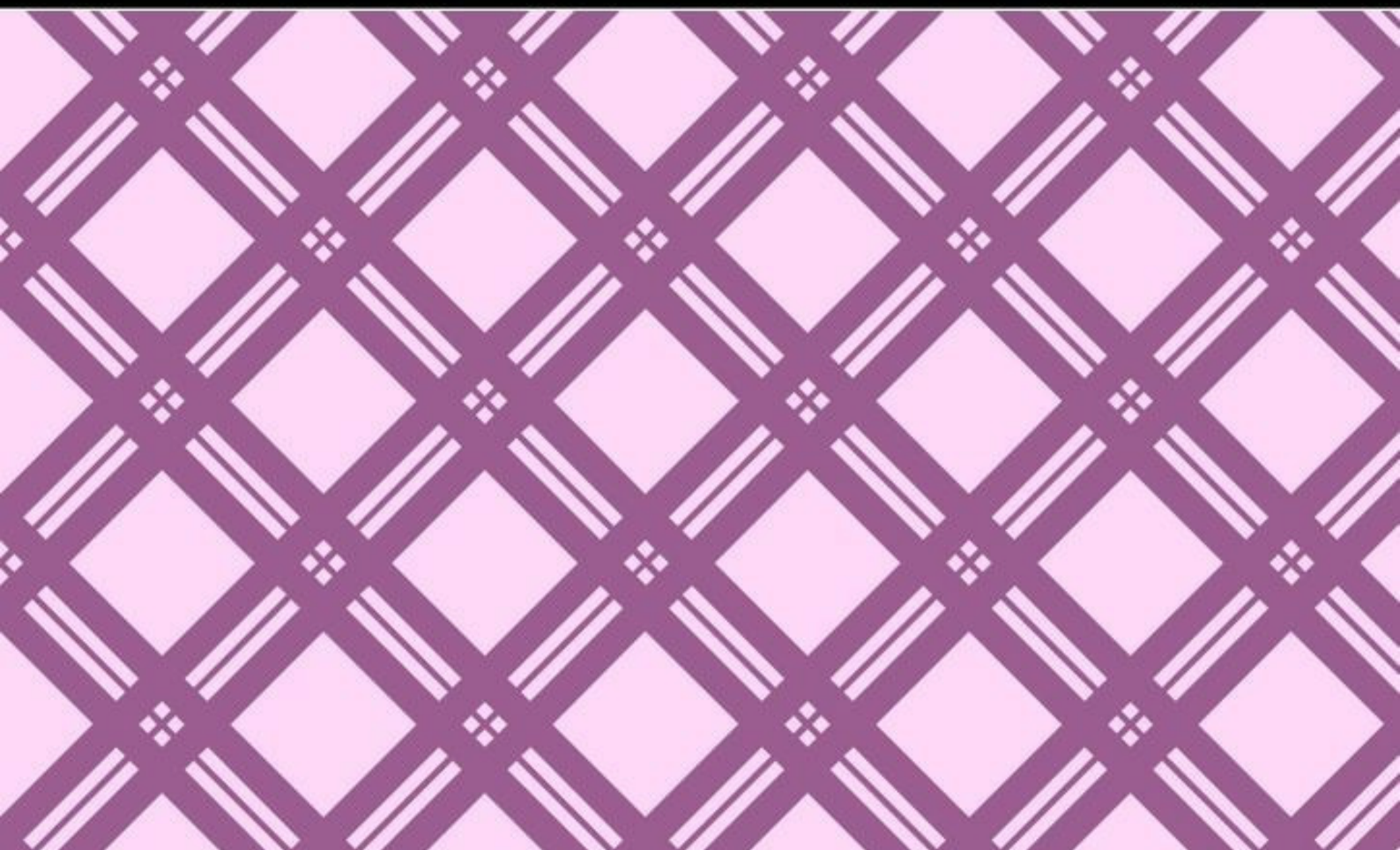

18+

Дмитрий Абрамов

*Дорогой
Леонид Ильич*

«Большой Сатурн»

Дмитрий Абрамов

**Дорогой Леонид Ильич.
«Большой Сатурн»**

«Издательские решения»

Абрамов Д.

Дорогой Леонид Ильич. «Большой Сатурн» / Д. Абрамов —
«Издательские решения»,

ISBN 978-5-00-511654-3

Конец 1942 года. В Сталинграде окружена армия Паулюса. Ставка Верховного Главнокомандования планировала операцию «Большой Сатурн» по окружению всей группировки вермахта на Северном Кавказе. Жуков убедил Сталина, что операция не осуществима. «Большой Сатурн» не состоялся. Но он был вполне возможен. Авантюрный рейд танковой бригады меняет расклад сил не только на Северном Кавказе, но и расстановку сил в мире. Стирает из истории некоторые известные личности и создаёт новые. Книга содержит нецензурную брань.

ISBN 978-5-00-511654-3

© Абрамов Д.
© Издательские решения

Дорогой Леонид Ильич «Большой Сатурн»

Дмитрий Абрамов

© Дмитрий Абрамов, 2021

ISBN 978-5-0051-1654-3

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

«Дорогой Леонид Ильич»

Книга первая

«Большой Сатурн»

От автора.

Данное повествование является плодом фантазии автора, большинство персонажей естественно имеют своих прототипов. Характеристики и действия персонажей похожих на исторических деятелей описываемой эпохи обоснованы сугубо личными знаниями автора и его личным мнением об этих персонажах. Хотя это мнение и сформировалось в результате надеюсь более-менее объективного изучения вопроса. Неполиткорректные действия и высказывания персонажей обусловлены их ролью в повествовании, и автор не всегда относится положительно к таким действиям и высказываниям. Описание ситуации на фронтах и политической ситуации в мире в начале повествования примерно соответствует реальной ситуации и естественно в процессе изменяется по воле автора.

Предыстория 1

25 ноября 1942 год, район г. Туапсе, Черноморская группа войск Закавказского фронта.

Он пытался бежать по ходу сообщения, но раскисшая земля, частые осыпи и нередкие трупы немцев не давали разогнаться. Первую линию траншей взяли 10 минут назад, а во второй ещё идёт бой. Немцы контратакуют. На левом фланге замолчал наш пулемёт. Краем глаза, заметил полузасыпанный немецкий МГ-34[1]. Потянул его – вроде целый, направил на ближайшую горку – короткая очередь, порядок – работает мясорубка. Рядом, странно скрючившись, разлёгся гефрайтер[2] без половины головы. Пинок, под трупом – два полных барабана к пулемёту. Свой ППС[3] – за спину, пулемёт и банки в охапку, и бегом-бегом туда, где замолк наш пулемёт. За горкой грохнуло, спустя мгновение взрыв, потом ещё. Немецкая батарея ударила по второй линии траншей, не смущаясь, что там пока ещё полно камрадов. Очередной поворот траншеи. ДП[4] – на бруствере, вроде цел. А оба номера расчёта – на дне окопа. Опаньки – живые. Молодняк, перепугались. Русский командный рык, пинок под зад одному, прикладом по спине другому. Ожили. Диск в ДП меняют. Очередь – пяток набегающих шутце[5] завалились на курортную землю. Орлы. Наши —орлы, не наши – тушки. Вот что мат, животворящий с людьми, делает!

Пора и самому размяться. Выбираем место шагах в десяти от ДП, ловим момент перезарядки, и начинаем увлечённо ловить немцев на их же удочку.

Кто-то скажет, что не дело полковнику в атаку с трофейным пулемётом ходить, но это если ты комполка. А вот если замначполитуправления – самое, то. Командиры – командуют, штабные – думы думают, а ты матам и личным примером животворишь своих и смертотворишь чужих.

Очередной залп немецкой батареи он не услышал, снаряд разорвался перед бруствером, почти все осколки пошли над головой, но один по прихотливой траектории ударил в правую

скулу, миллисекундой позже – в каску прилетел булыжник размером в пару кулаков, чуть позже пришла взрывная волна, отбросила на уже разломанные патронные ящики, и погасила сознание полковника.

Предыстория 2

22 января 2015 год, район г. Дебальцево, ДНР.

Он, пригнувшись, перебежал от развалин сарая к дренажной канаве. Околица села уже наша, а в центре ещё идёт бой, и нацики не собираются пока отступить. Передовая группа по радио сообщила, что на полпути к зданию сельсовета во дворе дома стоит брошенный танк. И, как назло, в округе ни одного свободного и толкового танкиста! Кроме него. Вот и бежит по селу 60-ти летний отставной полковник ВС РФ, ныне зампотех[6] МСБр[7] ДНР.

Ещё одна перебежка, перевалиться через остатки деревянного забора, и вот за углом практически целой хаты, только стёкла кое-где отсутствуют, видна трансмиссия 64-ки[8]. Где-то здесь должны быть бойцы, обнаружившие танк. «Ахмад!» – «Иншала!» (приколисты в штабе сидят, остроумием нациков забодать хотят) – опознались сегодняшним паролем-отзывом.

Из-под танка выбираются два бойца, свои, башкиры или якуты, кто их разберёт, но как на русских похожи, хотя по национальности один был итальянцем, а другой испанцем. Узнали его, заулыбались. Эти два ухаря, пару месяцев назад по пьяни сожгли сцепление на единственной в батальоне БМДшке[9], чуть под трибунал не угодили. Хорошо затишье было. Уговорили командира, что всё исправят. Потом на поклон к зампотеху, уговорили и его. Затем вместе с полковником три дня возились в мазуте – он ремонтировал, а они струмент подавали, сигарету прикуривали и были на посылках. Опосля проставлялись за снятое взыскание и опять чуть не поломали вверенную боевую технику.

Проблема оказалась в том, что башня у танка открыта, люки на распашку, а вот люк мехвода[10] закрыт и башенного ключа[11] ни у кого нет. А из башни к мехводу пролезть проблема – там надо кассеты АЗ[12] демонтировать, а итальянец с испанцем этого не умеют. Соответственно и танк не завести.

Приходится вспоминать молодость, снимать зимний комбез, нырять головой вперёд в люк наводчика, обдирая пальцы о холодный металл снимать кассеты АЗ. Ничего сложного (по наставлению по эксплуатации), но дико неудобно. Через 10 минут, потный, в ссадинах и свежепорванном летнем комбезе и вывернутыми суставами, полковник лежит на животе на мехвоводском сиденье и упирается лбом в педаль сцепления. Ещё 5 минут, полковник, изображая йога, умудряется открыть злосчастный люк изнутри. Пытаемся завестись. Хрена. АКБ – сдохла. Пуск воздухом – опять мимо, не крутит. Укры что ли его с лета не заводили? Пускаем комбинировано – АКБ + воздух – ура! Крутит стартер, проснулась шестьдесятчетвёрка.

Видел пару раз как Марко на 72-ке[13] рулить пытался, ну это почти тоже что и этот трофей. Две минуты на инструктаж – и запикиваем итальянца в передний люк. Иван – так-то он Хулио, но здесь на донбасской земле быстро стал требовать называть его по-русски, – на место командира. Он же пулемётчик, вот пусть зенитным НСВТ[14] и командует. А танком и полковник с места наводчика покомандует. Прокрутить АЗ – ух ты – полный и всё ОФ[15], в ручной боеукладке – пусто, ПКТ – на месте нет, зато к НСВТ – 4 короба патронов. Набираем на Р-173[16] частоту бригады. ...ЛЯТЬ! Где шлемофон[17]? ...БИСЬ! «Ванюша, где нашёл? В ЗИПе[18]? Молодец, Марко уже дал?». Жизнь налаживается. Экипаж в шлемофонах, к ТПУ подключён, связь с бригадой – есть. Полковник к бою готов, нагнетатель – включён!

А как там бой? Нацики уже сваливают из села. Марко рулит к окраине. Вот по снежной целине бегут гордые укры, догоняя улепётывающие на повышенных газах недобронированные КраЗы. Разгораются два БТРа со шведским стягом на борту. «Ватники», зачистив крайние хаты, подгоняют храбрых АТОшников редким, но точным огнём из стрелковки. Из-за ближайшей посадки в разгар веселья вылезают три клона нашего трофея, но только они ещё не трофеи и до них с километр. Тыдынц. Хорошо не успел по крайнему КраЗу выстрелить. Тут бы пол-

ковника и срисовали. Танки укропов начинают методично разносить все строения что видят. А Марко за бетонным забором танк спрятал. Видать бывший машинный двор бывшего колхоза. Рядом бетонная эстакада, длиной метров 30. Направляем танк на неё. Пока несколько секунд танк движется по эстакаде – полковник успеваешь выстрелить. Сразу после выстрела танк съезжает, и украм не видать нахала. А за забором, над посадкой растёт чадный дымный столб. 22-й! Счёт как у Колобанова[19], только Зиновий Григорьевич за один бой столько намолотил, а полковник за 40 лет службы.

Ещё круг по двору, опять эстакада, выстрел, уукра сбита гусеница. Но засадный танк замечен, и нацики в два ствола начинают ломать бетонный забор. Правда по началу забывают переключить баллистику с БК на ОФ[20] и кумулятивные снаряды просто дырявят тонкие бетонные плиты и улетают дальше в развалины мастерских.

Третий заход. Выстрел. Снаряд разрывается на маске пушки последнего АТОшного танка. Пробития нет. Но двигатель заглох, приборы наблюдения разбиты, и контуженый экипаж пытается покинуть машину. Ваня работает по ним из НСВТ через пролом в заборе. Марко ломает заборы и выводит танк на поле. Оставшийся без гусеницы танк расцветивается выкинутой из люка белой простыней. Специально что ли с собой возят? Бой окончен. С права за селом пошли в прорыв танки и БМП второго эшелона. А нам необходимо дочистить село, построить пленных, передать их комендантской службе, собрать трофеи, пополнить БК и только потом догонять ушедших в прорыв. Часть нашей пехоты уже закрепилась в посадке, из-за которой появилась укропская броня. Трофейный танк, тоже возле этой лесополосы. Полковник возвращается к подбитым танкам. Вдалеке раскатисто бухает выстрел. Дымная стена встаёт на месте мгновенной вспышки. 122-мм снаряд выпущенный из гаубицы М-30[21] разрывался не очень охотно, ведь он был из той же партии что и снаряд, выпущенный немцами по советским бойцам 25 ноября 42 года.

Эту гаубицу М-30 вермахт взял в качестве трофея летом 41-го после боёв под Уманью, а снаряды к ней лежали на складе подо Львовом, который захватили немецкие диверсанты. Много пострелять гаубице не пришлось. Сначала она почти год простояла без дела в резерве на Миус-фронте[22], 10 ноября 42-го она уехала в Краснодар на восполнение потерь 17 армии вермахта, к 20 ноября её привезли на передовую под Туапсе. А 26 она с пробитым накатником уже ехала на ремзавод в Тбилиси. До 45-го она простояла на советско-турецкой границе, а после Дня Победы вернулась на арсенал подо Львовом и была поставлена на консервацию. В нескольких километрах от неё на другом складе лежали снаряды 53-ОФ-462Ж 1939 года выпуска успевшие послужить, но не повоевать сначала в РККА, потом в вермахте, потом опять в РККА, ВС СССР, а потом и в ВСУ. За давностью лет ВВ в снарядах уже начало разлагаться и уже не могло обеспечить заявленные при создании 1000 убойных осколков и зону сплошного поражения радиусом в 50 метров. Снаряд разорвало всего лишь на 520 осколков, но полковник был всего в 12 метрах от места взрыва.

И только один осколок, раздробив челюсть, проник в мозг и погасил сознание полковника.

27 ноября 1942 год, г. Орджоникидзе, Северо-Осетинская АССР.

Открываю глаза, белёный потолок, крашенные бежевой краской стены, госпитальная палата на четыре койки. Койки, тумбочки, табуреты, капельницы – всё в стиле ретро! Вроде в Донецке госпиталь был попроще. Приходилось там бывать, сослуживцев проведывать. А здесь уровень сельской больницы, в лучшем случае годов 60-х.

На одной койке спит мужик, две ноги на растяжках, в гипсе. Две другие койки пусты, но явно имеют своих постояльцев. Видать, покурить или на процедуры ушли бойцы. За окном – хмарь, серость, идёт дождь. Оттепель пришла в январе?

В голове каша. Помню взрыв, и ещё взрыв. Я иду к укропскому танку, и я в окопе с МГ-34. Откуда у меня МГ – хрен его знает. Вроде не было таких трофеев. Сзади меня догоняют Марко

и Ваня оба в модных НАТОвских комках (в них они летом в ДНР приехали, и чуть не были расстреляны как бандеровские диверсанты), а рядом в окопе два пацана-грузина в телогрейках и с ДП. Сюр!

Я – полковник, и ещё раз полковник. Ха, квадратный полковник. И, блин, два разных полковника. Один – начштаба дивизии, отставник, доброволец, зампотех МСБр донецкой милиции, другой – бригадный комиссар, не дотянувший до генерала, замначпо – но блин охренеть – целой группы войск. Одному – 60, другому – почти 36. А, зовут меня Леонид Ильич Балязин, ну или Леонид Ильич Брежнев. Будем разбираться. Если это не психушка и я не псих, то точно разберёмся. Брежнев, обалдеть – круть. Какая нахрен круть, аттестацию завалил все бригадкомиссары генералов по осени получили, а я полковника. Фигня, мне Табуреткин[23] после трёх восьмёрок[24] тоже лампасы запорол. Жизнь не в лампасах! Но большие звёзды я, мы ещё заслужим. Если, конечно, это всё-таки не психушка.

В голове каша, а что с организмом? Приподнимаюсь на кровати, кружится голова. Сажусь. Вроде всё на месте, руки – ноги двигаются. Глотать больно. Голова забинтована и челюсть подвязана. Вроде пары зубов справа на нижней челюсти не хватает, но фиг разберёшь, там, во рту всё опухло.

Открывается дверь, заходят два антипода в бежевых больничных пижамах. Один высокий, худой, блондин с костылём, правая нога забинтована. Второй не высокий, плотный, чернявый, левая рука на перевязи. Обоим лет по 35-ть.

– О, товарищ полковник очнулся, – это худой, – Разрешите представиться, военинженер 1 ранга Морозов, а это, – он кивает на антипода, – Сухопутный кап-два Карапетян.

– Бэреговая артиллэрия, – это Карапетян добавляет.

Киваю и мычу, руками показываю на челюсть.

Карапетян выглядывает в коридор и гортанно кричит: – Вэра! Вэра! Сэстра!

Почти сразу в палату влывает мощная тётка гренадёрских статей.

– Верочка, полковник очнулся, – это уже Морозов.

– Что ж, так орать, и сама вижу. Здравствуйте, товарищ Брежнев, щас доктора позову, – и уплыла.

Через пару минут приходят два антипода-близнеца в белых халатах, под халатами форма, майорские шпалы, оба рыжие, но один сорокалетний мужчина, а другая – соответственно тридцатилетняя красавица.

Начинается осмотр, крутят, вертят, дёргают, по коленкам стучат. Вновь пришедшая медсестра делает перевязку. Приговор: – Осколочное ранение в челюсть, выбиты справа на нижней челюсти два премоляра[25], контузия, трещины в двух рёбрах, ушиб грудной клетки.

Жить буду. И начинать жить буду в 42-м, сегодня, как доктор сказал – 27 ноября. И я – Брежнев, вроде тот самый, который ДОРОГОЙ Леонид Ильич. Только про «Дорогого» пока ещё никто не в курсе, даже сам Брежнев.

Морозов сопроводил меня до туалета, затем там же перекурили. Морозов приколист, походу. Мотается в Иран, принимает у союзников технику, перегоняет в Союз и сдаёт в войска, ну не сам, а рулит процессом. То есть не всем процессом, а он один из тех, кто рулит. И в процессе передачи техники недалеко от Орджоникидзе – попал под обстрел. Очень рад ранению. С ногой ничего серьёзного, обещают через неделю выписать, но пока он в госпитале – ему найдут замену в ленд-лизингской карусели, и он сможет попытаться получить назначение в действующую армию. Карапетян, оказывается мой сослуживец по Черноморской группе войск Закавказского фронта. Тоже под Туапсе был, командовал сводным отрядом морской пехоты. Одним самолётом нас в госпиталь вывезли. А в Туапсе всё хорошо, вломили мы фрицам и наступаем. Главная топ – новость последней недели – наши в Калаче замкнули окружение вокруг армии Паулюса, сужают внутреннее и расширяют внешнее кольцо вокруг 6-й армии немцев.

Пора идти обедать, мне отдельно в процедурную – сестра из трубочки будет в меня бульон заливать.

До вечера делаю вид что сплю. Думаю, вспоминаю, склероз потихоньку исчезает, светлые и мудрые мысли рождаются в мозгу. Кое-что складывается разумное. Завтра с утра начнём менять свою судьбу. Хочу быть генералом. Тёзка вон до маршала дорос... к 70-ти годам. А вместе мы – и раньше сможем. Шутка. Нам бы здесь не обгадиться и что полезное сотворить. А, то Лёня вижу от хорошей жизни, командуя писарями и стенгазетой, всё норовит на передовую с автомата пролезть. В штабах ведь и без него стратегических талантов хватает, не пускают его порулить, – иди, говорят, – читай политинформацию. Обидно, понимаешь).

Ну, а мы зайдём с другого края. Не дают командовать – сварганим своё войско и сами будем и стратегически мыслить и тактически на лихом коне – быстром танке скакать. Тёзка ведь, как и я – танкист. Два танкиста в одной голове – пипец всем готам и манштейнам.

28 ноября 1942 год, г. Орджоникидзе, Северо-Осетинская АССР.

Утром проснулся от зубной боли. На обходе, доктор послал меня на рентген. И потом долго чесал мудрую голову. У меня начали расти выбитые зубы, челюсть практически срослась. Орехи грызть не рекомендуется, а вот семечки уже можно. Повязку с головы сняли. Стрельнул у завхоза бритву. Побрился. Чутка порезался. Фигня. В зеркале Лёня – просто красавица, копец всем бабам, кобелино с большой буквы. Я-то уже и отвык от такого, уже лет 10—15 слишком потёртым и подержанным на женский взгляд был.

Иду в особый отдел, ищу застенки кровавой гэбни. Застенки – в одноэтажной пристройке к двухэтажному зданию школы, переделанной в госпиталь. Под дождём, по слякоти в пижаме и тапочках туда не дойти. Проявив обаяние, выцыганиваю у старушки-санитарки помощницы завхоза, во временное пользование шинель без погон (ну, да их же ещё и нет нигде в РККА) и без петлиц и новенькие солдатские кирзачи. У входа в особый отдел, под козырьком – новобранец с мосинкой, сообщает что, товарищ капитан на территории, а вон туда пошёл. Обхожу госпиталь. Несколько машин, санитары тягают носилки с ранеными. Суеты особой нет, работает конвейер. Рыжий главврач с молодым капитаном принимают документы у немолодой женщины в младлеевской шинели, видать сопровождающая медколонны. Топчусь рядом. Когда заканчивают – подхожу к капитану, представляюсь. Доктор комментирует, мол это тот уникум с новыми зубами – загадка природы, надо в Москву его, на опыты. ХА, два раза ХА. Капитан заинтересован, но опыты, по его словам, подождут – без зубов воевать можно, а с зубами тем более.

Прошу капитана выделить время для частного разговора, тот не против. Удаляемся к нему в пристройку. Комната метров в 20, одно окошко, два стола, пишмашинка, три стула, печка-буржуйка, панцирная кровать с матрасом, но без подушки и одеяла, два стеллажа с кубками, скакалками и мячами. Видимо коморка школьного физрука. И здоровенный металлический шкаф.

– Товарищ капитан, мне бы хотелось, получить карты Северного Кавказа, Ростовской области и Крыма.

Капитан напрягся.

– Секретные склейки[26] не прошу, можно и школьные атласы.

– А, цель? – капитан не многословен, внимательно меня разглядывает, но пока вроде бы как своего, а не как шпиона.

– Есть кое-какие идеи, для командования, хочу их изложить на бумаге, пока в госпитале валяюсь, но надо кое-что уточнить по карте.

– И, что за идеи?

– Боюсь, у Вас допуска пока нет, но вот связать меня с командованием или передать через Вас материалы, я бы Вас попросил.

– Какого уровня командование?

– Фронта, Закавказского.

– И где же Вы хранить собираетесь документы такой секретности, в прикроватной тумбочке?

– У Вас в сейфе, если Вы не против.

Капитан кивнул, соглашаясь, – Действительно что-то серьёзное?

– Да. За сутки я думаю всё напишу, если поможете с картами и бумагой.

Капитан ещё немного помолчал, посверлив меня глазами, и достал пару ученических тетрадок.

– Работайте здесь, за вторым столом, карты до вечера, я Вам достану. А, на счёт встречи с командованием – завтра после обеда, возможно, что и придумаем.

И понеслось. Капитан приходил-уходил, а я писал, считал, чертил. Захотелось жрать – пошел в столовую, оказалось чуть обед не пропустил, покурил с соседями по палате, отвертелся от их любопытствующих расспросов. И опять в застенки. Прибежала медсестра – чёй-то Вы товарищ полковник процедуры пропускаете? Пришлось идти с ней мерить температуру, глотать таблетки и микстуры. И опять писанина – расчёты. Особист сдержал слово – принёс карты. Разложил их на столах, повесил на стенки – и опять мерить, считать, писать.

Ужин мне принесли Морозов с Карапетяном. С интересом уставились на мою штабную работу, предложили помощь, выпроводил их, пообещав, что как только, так сразу. Вернулся набегавшийся за день капитан, поинтересовался успехами и завалился спать. Сходил в сестринскую, выпросил обезболивающее от ноющих растущих зубов. Ночь проработал, проголодался, а спать не хочу. Картинка, что сложилась в мозгу и на бумаге, аж дух захватывала от своей наглости и авантюристности. Интересно как на эти наглые фантазии посмотрят в штабе фронта.

29 ноября 1942 год. г. Орджоникидзе, Северо-Осетинская АССР.

В госпитале подъём, пришлось идти в палату. Рыжий врач приволок с собой целый консилиум меня смотреть. Чувствую себя кроликом. Щупают, тискают, светят. Опять рентген. Новая волна ахов-охов. Взрывная регенерация. Все поломанные кости уже практически срослись, новые зубы почти как старые вылезли. Охренеть! Надо валить отсюда, ведь на опыты попилят мою тушку. Еле отпросился на завтрак, и сразу после перловки с маслом и урюкового компота, спрятался в застенках. Предупредив бойца на входе, что б никого не пускал кроме капитана, – тута боольшой СИКРЕТ!)

Ещё пару часов вылизывал заусенцы плана, проверял расчёты. Как калькулятора не хватает! Хорошо у завхоза удалось тиснуть счёты. Всё готово.

И тут заходит капитан, за ним полковник. Ба. Знакомец Брежнева – ЗНШ[27] Закавказского фронта полковник Александр Филиппович Васильев[28]. Кадровый разведчик, до нынешней должности начальник разведупра Южного фронта.

– Привет, Лёня, ты что здесь за кипеш поднял? Вот приехал на процедуры – нога побаливает, а начальник госпиталя всё про твои зубы вещает и особист, какой-то загадочный, к тебе тянет.

Прошу капитана нас оставить и начинаю излагать Васильеву свою идею.

Скоро немецкий фронт от Сталинграда и до Кавказа посыпется. Откуда знаю – анализ и расчёт. Через пару недель немцы соберут со всего юга танки и попробуют ударить на Калач, чтобы пробиться к Паулюсу. И если мы их удержим, не дадим прорваться, то необходимо... брать КРЫМ.

Немая сцена. Васильев пытается найти в моих словах долю шутки, чтобы не начать считать замначпо[29] идиотом.

– Смотри. Немцы сейчас должны со всего юга танки собирать для удара по деблокированию 6-й армии. Мы наступать не будем до тех пор, пока не отобьём немецкий деблокирующий удар под Сталинградом. Потом немцы покатаются назад к Ростову. И от Сталинграда, и с Кавказа. Мы за ними. В Ростове немцы тормознутся. И Ростов придётся штурмовать.

И если возьмём Ростов, то дальше уже идти не сможем без передышки. А за Ростовым – Миус-фронт, немцы там уже в землю вкопались. Войсками заполнят и хрен ты их с наскоку возьмёшь. Короче закончится наше наступление или под Ростовом в худшем случае или на Миус-фронте – в лучшем. При чём немцы по большей части смогут отступить к Ростову и на Тамань, откуда будут переправляться в Крым. Сейчас же в Крыму кроме полицаев и тыловиков никого нет. Расчёт времени вот, – протягиваю ему листок.

– Середина декабря – удар немцев на Калач скорее всего от Котельниково. Две недели на их удар и нам их остановить. Потом, начало января мы наступаем, они отступают, где-то люлей они отхватывают, где-то мы отхватываем. Но зацепиться до Ростова им негде и почти все подвижные части потрачены, но снабжение из Ростова им идёт. Вот и будем весь январь в догонялки играть. К февралю выйдем к Ростову, и возможно запрём кого-то на Тамани. Подготовка к штурму – штурм к середине февраля возьмём Ростов. То бишь от сего дня – два с половиной месяца. Как думаешь, смогут немцы за два месяца подтянуть туда войска, да с танками? А, сейчас ни в Крыму, ни на Миусе у немцев ни чего боеспособного нет!

– И что ты предлагаешь?

– От Элисты до Будённовска сплошной линии фронта почти нет. Под Гизелью две недели назад мы только танков трофейных полторы сотни взяли. Собираем трофейную технику, 100 танков, столько же «ганомогов»^[30], 30—50 орудий, штук 200 машин, где не хватит трофейной – добираем нашей или ленд-лизовой техникой, только перекрашиваем в немецкий шаровый цвет. Бойцов надо 2,5—3 тысячи. Одновременно с немецким ударом от Котельникова, вводим эту нашу мобильную группу где-нибудь севернее Буденновска, только она не вяжется в бои, а маршем, маскируясь под немцев, шпарит севернее Ставрополя на Тихорецк. Это порядка 400 км по степям. За два дня дойдём. Берём Тихорецк с наскока, там нас немцы не ждут. Это пока ещё их тыл. Танки, что в Котельниково немцы не заберут, будут где-то в районе Моздока и Кавминвод. Если погонятся за нами, то у них сразу фронт на Грозненском направлении рассыпится. Но мы к тому времени, когда они среагируют – всё снабжение им порежем. А, если не погонятся, то им же хуже. В Тихорецкой склады, ж/д узел, дороги на Сталинград, Краснодар и Ставрополь. Можно будет туда принять посадочный десант, который будет держать ж/д узел до подхода наших основных сил. Ну или уничтожит там всё, если не сможет удержать. Нужен будет ещё удар авиации по мостам через Маныч у Сальска. И все немцы восточнее, юго- и северо-восточнее Тихорецка останутся без снабжения.

Далее пополняюсь трофеями с немецких складов, грузу часть техники на платформы и по железке и параллельно по степи в Ростов. 200 км – день пути. Итого от начала операции – 2 дня до Тихорецка, 1 день там, 1 день до Ростова. Четыре дня! Хрена немцы успеют среагировать. Ростов возьму с наскока. Там если кто будет, то отдельно маршевые батальоны, и отдельно техника, тыловиков пинками разгоню. А авиации у немцев скорее всего не будет, погода хреновая, не смогут они качественно авиацией работать. Хотя прикрыться нашей авиацией было бы неплохо, поэтому в группу нужны авианаводчики. Если подкинешь координаты немецких аэродромов, не далеко от нашего маршрута, я и туда по пути загляну. Лучшая ПВО – это свои танки на немецких аэродромах!

– Судя по всему, ты Лёня, себя на роль командира этой авантюры рассматриваешь.

– А, как иначе. Сам предложил – сам исполняй. Да и, если честно, надоело. Вроде бы целый полковник, а командую, по сути, писарями, да языком работаю. Одна отрада – можно личным примером бойцов в бой подымать. Но ведь с этим и лейтенант должен справляться. Ты пойми правильно меня, если получится всё как планирую малыми силами сделать, сколько одним махом территории и наших людей освободим, сколько немцев в плен возьмём, сколько солдатских жизней сохраним!

– До Ростова – понял, а дальше?

Дальше мы ещё почти час спорили, считали —пересчитывали. И наконец-то мне вроде бы удалось убедить Васильева.

– Хорошо, товарищ полковник, – перешёл на официальный тон Александр Филиппович, собирая все наши материалы, – Сегодня же доложу Вашу идею на Военном Совете Фронта. Надеюсь, получится убедить командующего.

29 ноября 1942 год. г. Грозный, Чечено-Ингушская АССР, штаб Северной группы войск Закавказского фронта.

Из Орджо в Грозный Васильев добирался на штабном У-2[31], отправив свою машину и машину сопровождения в штаб Северной группы войск своим ходом. Васильев торопился застать в Грозном командующего фронтом генерала армии Тюленева. Штаб фронта вообще-то находился в Тбилиси, но иногда командующий выезжал ближе к войскам. И сегодня должен был работать в Северной группе войск фронта. Скорее всего и все члены Военного совета фронта будут там же.

Перелёт хоть и был коротким, но заставил поволноваться: стемнело, проливной дождь, низкая облачность. Приземлились на окраине Грозного. Вытребовал у дежурного по аэродрому новенький виллис с водителем и помчался в штаб.

В штабе группы Васильеву повезло, у слабо освещённого входа стоял непосредственный начальник – генерал-лейтенант Антонов[32], НШ фронта. Не виделись сутки. Вчера Антонов отправил Васильева в Орджо с инспекцией, и разрешил после инспекции заехать к лечившему его после ранения, врачу на осмотр. Вернуться Васильев должен был только завтра утром.

Генерал напрягся, увидев взволнованного подчинённого раньше срока и с туго набитым портфелем, – Что-то срочное?

– Есть важная информация, хотел сразу доложить Военному совету.

– Командующий только что всех распустил. Может к ЧВСу[33] зайдём?

Командующий фронтом генерал-армии Тюленев[34], был довольно осторожным военачальником, не склонным к излишней инициативе и за это частенько огребал от Ставки ВГК. Только недавно уехал с Кавказа Берия, а неделю назад для придания командующему энергии членом Военного совета был назначен Лазарь Каганович[35].

Лазарь Моисеевич, встретился им в коридоре. Шел на улицу подышать-покурить. Не тут-то было. Антонов, понимая, что зам по пустякам не будет поднимать кипеш, завернул ЧВСа в комнату совещаний. Васильев попросил пару минут на распаковать карты, а заодно собраться с мыслями. И тут зашёл командующий, видимо что-то забыл. Удачно. Каганович попросил Тюленева присутствовать на докладе ЗНШ. Вызвали так же командующего Северной группой генерала Масленникова[36].

Доклад длиною в ночь! Ругались, спорили, вызывали офицеров штаба, начальников служб, охреневали от наглости замначпо. Антонов уже после часа обсуждения – был «за». Масленников – тоже. Под утро Васильеву удалось убедить Кагановича в возможности реализовать задумку Брежнева. Тюленев, увидев положительную реакцию заместителя Сталина[37], дал своё «добро» на операцию.

Часов в 7 утра 30 ноября, Антонов озвучил краткий итог совещания.

– В Кизляре на базе формируемого отдельного инженерно-сапёрного батальона, разворачиваем рембазу и базу по приёму трофейной техники. Командиром базы назначается полковник Брежнев Л. И. На базу перебрасываются все свободные специалисты-ремонтники ремонтно-восстановительной службы фронта и рабочие с заводов в Махачкале и Баку, всего 700 человек. Из имеющихся в распоряжении фронта на рембазу передаются все 170 трофейных танков разных моделей и разной степени боеготовности, все 70 трофейных и 40 ленд-лизовских бронетранспортёров, 11 Т-34[38], 10 Шерман М4[39], 97 трофейных, 45 ленд-лизовских и 58 отечественных грузовиков и автозаправщиков, 65 трофейных орудий калибра 75—122мм, 40 крупнокалиберных пулемётов разных систем, 40 миномётов калибра 50—85мм,

20 МЗА[40] калибра 20—37мм, боеприпасы и топливо ко всему по тройному норме, всю наличную в службе тыла фронта трофейную форму. Личный состав базы пополняется: 7-ю стрелковыми ротами штатной численности, при чём из них не менее 3 рот укомплектованных бойцами НКВД[41], всего 1106 человек, 130 танковых экипажей россыпью с командирами взводов и рот, всего 520 человек, 50 артиллерийских расчётов россыпью с командирами батарей и дивизионов, подразделения обеспечения – исходя из штатов МСБр.

Задача базы: к 11 декабря – ввести в строй (восстановить) 100 танков, 100 БТР, 50 орудий. Сформировать из прибывшего лс и полученной-восстановленной техники отдельную мобильную бригадную группу, освоить трофейную технику и вооружение, провести боевое слаживание подразделений ОМБрГ. 12.12.1942 года – быть готовым к выполнению боевой задачи. Командиром ОМБрГ назначить полковника Брежнева Л. И.

– И ещё, – вставил своё мнение, опытный аппаратчик, Каганович, – Всё же есть большие шансы за то, что ни хрена не получится. Поэтому предлагаю: до взятия Тихорецка – считать операцию – боями местного значения. А, то наобещаем Ставке и обгадимся. Вот Тихорецк возьмёт этот полковник – тогда в Москву и доложим о целях и задачах этой авантюры. И по поводу прогноза по контрудару немцев из Котельникова – сейчас нужно доложить в Ставку как прогноз-аналитику, но и самим озаботиться сбором информации.

Васильев: – Я уже дал команду, сегодня к вечеру думаю, будем иметь первые данные по сосредоточению немецких танков в Тихорецке.

– Ну, что товарищи, цели определены, задачи поставлены – за работу, – подвёл итог Тюленев. Сам бы он вряд ли бы решился на такую рискованную операцию, но имея рядом Кагановича – был готов разделить с ним ответственность.

29 ноября 1942 год. г. Орджоникидзе, Северо-Осетинская АССР.

После отъезда Васильева, я выжатый как лимон плетусь в палату. Соседи уже извелись от любопытства. Наконец-то очнулся третий постоялец нашей палаты – Алексей Томилов полковник-пехотинец, у него оказывается не только ноги поломаны, но и осколочное в живот. Две недели без сознания мужик провалялся, но теперь вроде стал выкарабкиваться. И вместе с Олегом Морозовым и Гариком Карапетяном пытается утолить дикий информационный голод. Отговариваюсь как могу, то бишь не могу ничего сказать: ВОЕННАЯ ТАЙНА! То бишь гриф «СС»[42], а у вас допуска нет. Санитарка приносит Томилову на ужин бульончик. Вспоминаю что зверски голоден, плетусь в столовку, получаю двойную порцию перловки с маслом и моментально её проглатываю. Очень хочется спать. Добираюсь до палаты, плюхаюсь на койку и под бубнёж соседей проваливаюсь в сон.

Снится горный луг, лето, под раскидистым дубом стоит стол, заседает трибунал. За столом Захарченко, Берия[43] и Моторола. Хуан и Марко подводят к ним человека с мешком на голове. Сдергивают мешок – Пётр Лексеич, свет, Порошенко! Увидев Берию, Петюня валится на землю. Трибунал совещается, и Лаврентий Палыч оглашает приговор: – В пропасть его!

Пропасть рядом. И Марко с Хуаном немедленно исполняют приговор, скидывая обвисшее мешком тело Пороха с километрового обрыва в каменистую бездну. Подводят следующего, опаньки – Саакашвили! Приговор тот же – В пропасть. Исполняется незамедлительно. Подводят третьего, снимают мешок. Вот так встреча! Янукович. Совещаются, спорят. Лаврентий Палыч говорит: – В пропасть его! – Но, почему? – вопрошает Захарченко. – А, за компанию! – улыбается Берия и пристально смотрит на Виктора Фёдоровича. Тот начинает заваливаться на Марко. Насладившись зрелищем, кровавый палач и лучший менеджер всех времён, произносит: – Шютка, в штрафбат его!

30 ноября 1942 год. г. Орджоникидзе, г. Грозный, г. Кизляр.

Просыпаюсь, продолжая хихикать. Подъём, туалет, первая утренняя сигарета в компании с Морозовым, завтрак, обход. Врач сообщает, что я практически здоров, и в канцелярии гос-

питался уже лежит телефонограмма, с приказом мне немедленно убыть в распоряжение штаба Северной группы войск. Выражает свою печальку, что не сможет почитать меня на опыты, но выражает надежду, что ещё свидимся. Мужики немедленно связывают перемену в моей судьбе с вчерашними посиделками с ЗНШ фронта. Опять пристают с расспросами. Олег Морозов просит замолвить за него словечко в штабе, что б направили в действующую часть, он уже без костыля, с манерной тросточкой, скоро на выписку. Правда бегать ещё долго не сможет, но зампотеху это и не особо требуется.

Заходит завхоз, за ним боец несёт в охапке новую полковничью форму. В охапке присутствует модный белый монгольский полушубок. Продуманный старшина решил лично уважить крутого полкана из штаба фронта.

В 45 секунд не уложился, но через две минуты уже затягивал портупею на полушубке, одеваю белую же мутоновую ушанку, и становлюсь похожим не на орла, а на филина в зимнем раскрасе. Мужики завистливо охают-ахают. Пожелания удачи-здоровья, обещания не забыть про Морозова. Прощаюсь, припускаю в канцелярию. Там получаю предписание, узнаю, что за мной прислали самолёт, У-2 уже стоит за школой-госпиталем на футбольном поле.

На поле слякоть и дождь со снегом. Пилот просит показать документы, смотрит, кивает. Полетели. Думал не взлетим на этом лисапедке, ни фига, против ветра уверенно разгоняемся, перепрыгиваем школьный сад. И над полями-садами, не поднимаясь выше метров 50-ти несёмся-плетёмся в Грозный. Кабину заливают дождём, заметает снегом. Хорошо – пилот дал кусок брезента на прикрыться. Бормочу благодарности старшине за полушубок, в шинели я бы сразу по прилёте в Грозный не в штаб, а опять в госпиталь бы попал с пневмонией.

В штабе нахожу Васильева. Мой план одобрили, кое-где добавив-убавив, и на мое удивление практически ничего не испортил. Лёня же наоборот, как должное воспринял мудрость высокого руководства. Ну это не новость, и так сообразил, чтобы послать подальше придурочного полкана – не надо за ним самолёт посылать. Тюленев и Каганович уже улетели в Тбилиси, оставив Антонова для того, чтобы дать началу процесса подготовки операции хорошего начальственного пинка. Масленникову поручили обеспечить меня всем необходимым.

Прошли в кабинет к Масленникову, представляюсь, получаю приказ о назначении, руководящих указаний на удивление мало. Всё по делу. Вспоминаю, что генерал ещё недавно был комиссаром ГБ, то есть передо мной жестокий опричник кровавого тирана. Скрывая кровавые клыки за добродушной улыбкой, интересуется здоровьем и выражает надежду что я оправдаю. Дальше опять по делу. Оказывается, в Кизляре уже всё закрутилось. Первые ремонтники уже там, после обеда прибывает поезд из Баку с оставшимися. Технику уже везут-перегоняют на уже мою базу. Личный состав выдвигается. От себя с кровью и болью генерал отрывает для меня две роты автоматчиков сформированных из погранцов, и две роты из полка НКВД. Ещё три роты – простая пехота, но обстрелянная без молодняка и со штатными командирами. Танковые экипажи и артиллерийские расчёты – придут сегодня-завтра, рассыпью, но все тоже не призывники необстрелянные, правда какая-то часть только из госпиталей. Ядро штаба и командования ОМБрГ уже тоже выдвинулось в Кизляр. Всё, ЦУ закончены. Пакет документов на рембазу и ОМБрГ получить у операторов штаба. Тот же У-2 тебя ждёт, докинёт до Кизляра. Всё. – Удач, тебе полковник.

Уже на пороге вспоминаю про Морозова, ходатайствую за него. Масленников кивает и записывает фамилию.

Небольшая суета в помещении штабных, но через 10 минут я уже расписываюсь за два пухлых вещмешка с документацией уже существующей рембазы и будущей ОМБрГ. На машине Васильева едем к штабному аэродрому. Самолёт готов. Погода гавно. Вперёд к победе коммунизма. Сейчас бы чё-нибудь хряпнуть для сугрева, но низя. Полёт не долгий, появляться первый раз перед подчинёнными бухим – моветон. Прощаюсь с ЗНШ, тот обещает через пару дней заглянуть ко мне на базу с проверкой.

Полетели. Согреваюсь воспоминаниями. Как в октябре 2008-го, получив боевые, отпускные и полный расчёт по увольнению в запас рванул не в ведомственный санаторий, а прихватив подругу бывшей, улетел на Мальдивы. Из Мале до отеля мы летели на самолётике, чуть поболее У-2. Но вверху не серая сырая хмарь, а синюшее небо, внизу не чёрно-белая грязь, а синюшее с белыми барашками море. И вместо мешков с бумагами, о мои колени тёрлись стройные Анюткины ножки. Э-эх. Мечты-воспоминания. Довспоминал до ресепшена отеля, получили браслет на руку и ключи от бунгало. А я уже в Кизляре.

Самолёт сел на небольшом поле в километрах в трёх от города. База располагалась не далеко от взлётного поля на территории МТС[44]. Десяток жилых одноэтажных глинобитных домиков, шесть здоровенных кирпичных ангаров, танков на 20 каждый, двухэтажное здание мастерских, несколько сараев и халуп разнообразного назначения. Когда садились – заметил цепочку машин, идущих от ж\д станции к базе. На базе уже суетятся люди, ставят палатки. Дымит пяток полевых кухонь. Несколько неудачников в сторонке роют яму под новый сортир, штатные туалеты МТС на наплыв личного состава не рассчитаны.

Нахожу штабную хату, ориентируюсь по выставленному часовому. Кто-то службу уже организовал. Часовой бдит. В хату не пускает. Кричит в дверь о моём прибытии. На крыльцо выходит танковый подпол, среднего роста, чуть скуластая рязанская физиономия. Представляемся, подпол – оказывается мой НШ, Артур Хатипович Хайретдинов. Ага, рязанский татарин, хихи. Хотя говор вроде как раз на рязанский тянет. Он тут уже часа три рулит. На первый взгляд толково всех к делу приспособил. Никто без дела не шатается.

Доложил, что 23 немецких БТРа, 12 троек и 19 четвёрок уже прибыли, и технари пытаются их оживить. Тут же поправляется, больше половины – вполне себе исправные, только ТО провести, но остальное разбито в хлам, будем на запчасти дербанить.

В штабе – молоденький лейтенант – адъютант штаба и старлей – командир взвода связи, разгребаются с документами, пишмашинка и полевым телефоном. Оставляю на них мешки с документами, и с Артуром идём в обход по хозяйству. Периодически Артур выкрикивает из деловой суеты бригадиров и командиров, представляет меня и их. Краткие доклады выслушиваю на ходу. Потихоньку начинаю обалдевать. Ожидал, что придётся бороться с бардаком, а оно вон возьми и заработай сразу как хорошие часики. Неужели предки уже избавились от разгильдяйства и набрались опыта военного строительства. По моим представлениям процесс изжития разгильдяйства и набора опыта должен быть в целом завершён к лету следующего 43-го года. Моё недоумение развеивает НШ. Оказывается, почти весь уже прибывший личный состав – кадровые энкавэдэшники. Я вспомнил, что существенная часть войск Северной группы была сформирована из пограничников, бойцов войск НКВД и просто сотрудников различных подразделений (включая милицию и ОРУД) этого ужасного ведомства. И эти, никогда не видевшие настоящей свободы, люди самозабвенно вкалывали, проявляя удивительную ответственность и чудеса разумной инициативы. Наверное, если Михалков задумает в будущем снять фильм о моей аванюре, то вон там и там появятся вышки с пулемётчиками, а вокруг базы будут бегать овчарки рыча на несчастных зэков из штрафбата. Ну что ж, займёмся. Хочу, чтобы лет через 40—50 это сборище сараев стало шикарным мемориальным комплексом – музеем легендарного и победоносного соединения Рабоче-Крестьянской Красной Армии, которое здесь и сейчас я начинаю формировать. Ага, и церковь Святого Леонида, что б здесь поставили. Шутка юмора, если кто не понял.

Часы летели как самолёты, дни проносились как литерные поезда. Казалось их часов и дней безмерно мало, все они были до придела заполнены, под завязку, с горкой забиты делами нескольких тысяч людей. Пару раз приезжал Васильев, по разу прилетали Масленников и Антонов. За линейкой ангаров росла куча металлолома из не на что уже не годных огрызков Панцеров, Ганомагов и Оппелей. Но перед ангарами под масксетью постепенно выстраивались колонны и шеренги бывшей вражьей, а теперь нашей боевой техники.

9 декабря 1942 год. г. Кизляр.

С утра принимал доклад Морозова о результатах ремонта.

В первый свой приезд Васильев привёз с собой Олега на должность зампотеха рембазы, с обещанием: если успешно справится с восстановлением фрицевской техники, то получит аналогичную должность в формируемой ОМБрГ. Вот Олег и впахивал как лось. Кроме ремонта трофеев, успел организовать обслуживание нашей и пиндосовской техники, вытребовав у фронтовых тыловиков кучу запчастей. Ведь он почти год здесь мотался между Ираном, Азербайджаном, Дагестаном и Астраханью. Досконально знал где что лежит, и где что у кого припрятано.

В результате его работы по воплощению моих задумок, у нас появилось 20 ЗСУ на базе немецких восьмитонных Опелей, 20 ЗСУ на базе Ганомагов, все БТРы были дооборудованы для возможности вести огонь из миномётов. Вся техника получила усиленные буксировочные крюки спереди и сзади и комплекты буксировочных тросов. Почти половина техники заимела мощные лебёдки. Всю технику, включая пушки, перекрасили в немецкий зимний камуфляж. Особенно прикольно в нём смотрелись несколько американских Шерманов, доставшихся нам от щедрот командования. Два ганомага переделали под штабные, нарастив вверх борта и приделав крышу, но после этих переделок БТРы не потеряли боевой ценности, в крыше был люк с вращающейся турелью крупнокалиберного пулемёта. На танках установили откидные бульдозерные ножи самоокапывателей.

По докладу зампотеха выходило: вся техника и вооружение по штату ОМБрГ в наличии и полной комплектности, 90% восстановлено до заводских настроек. Оставшаяся часть до конца текущих суток тоже приобретёт первозданный вид и состояние.

Зашёл НШ, обрадовал – пришла последняя партия дефицитных выстрелов к немецким 50мм танковым пушкам. Так что, продовольствием, топливом и боеприпасами мы укомплектованы полностью согласно моей заявки. Всё уже выдаётся в подразделения. 70% личного состава имеет немецкую форму, с соответствующими знаками различия, 100% – получили немецкий или пошитый по немецкому образцу зимний камуфляж.

Боевое слаживание подразделений в разгаре, но уже можно сказать, что в целом подразделения готовы на оценку «хорошо». Будем тянуть на четыре с плюсом, а пятёрку мы получим, когда и, если дойдём до конечной точки рейда.

Отправил шифровку в штаб Масленникова, о том, что завтра ОМБрГ будет полностью готова к выполнению задач, поставленных командованием.

Вечером прилетел фельдъегерь, передал пакет. Завтра ждём высокую инспекцию.

10 декабря 1942 год. г. Кизляр.

Подъём всех подразделений в 6—00. Зарядка 60 минут. Физуха была у всех подразделений, кроме рабочих-ремонтников, два раза в день, кросс 5 км, рукопашка, ОФП с утяжелениями. Даже пришлось ввести внештатную должность начфиза[45], на которую назначил одного из взводных разведроты.

Завтрак. Кормёжка, с самого начала по лётной норме, очень-очень прилично и офигенно вкусно, как оказалось начальником столовой – начпродом [46] нам прислали бывшего шеф-повара какого-то крутого Бакинского ресторана. Дядька предпенсионного возраста с погонями мамлея, внешностью Мкртчяна и громкой фамилией Багромьян, моментально стал достопримечательностью базы и всеобщим любимцем. Не знаю родственник или нет знаменитому маршалу – не помню я его биографию, а спросить не пришлось. Даже я офигевал от изысканности блюд, что подавали у нас в столовой.

Спиртное на базе на всё время подготовки было под моим запретом. И я как-то упустил вопрос с винным снабжением. Полевые кухни мы в рейд с собой брать не будем, в машины загружены сухпайки на неделю, дальше будем питаться трофеями. Так вот наш начпрод как-то подводит меня к сараю, у ворот боец, стережёт имущество, заходим внутрь – О-ЛЯ-ЛЯ –

довольная улыбка старого армянина – 800 десяти литровых канистр коньячного спирта! По две на каждую единицу техники. Молодец, братджан[47]! Хороший допинг для долгой зимней дороги. Подарок от кизлярских виноделов оказывается. Кавказ – волшебный край! И люди здесь волшебники!

Сидим в командирской палатке-столовой, завтракаем, жареный осетинский сыр, чебуреки, хачапури, салат из свежих овощей, мацони и капучино! Не подумайте, чего, бойцов так же кормили. Где-то над городом прогудели самолёты. Через несколько минут вбегает посыльный от дежурного по базе. – ЕДУТЬ! Ну что ж пойдём встречать высокое начальство, у него видать тоже мандраж. Повелись на прожекты недокомиссара. Будут немцы действовать как Брежнев заказал – не будут, фиг его знает, обосрётся – не обосрётся полкан тоже не ведомо. Тут кто хочешь, завибрирует.

К воротам подъехали перекрашенный в военный зелёный цвет городской рейсовый автобус, два тентованных грузовика с автоматчиками и два БА. Из автобуса выходят, и я постепенно мысленно роняю челюсть, Каганович, Тюленев, Масленников, Антонов и Васильев. Подхожу строевым к Тюленеву, докладываю. Каганович в шоке. Я в форме штандартенфюрера СС, почти все кругом тоже в различных вариантах тевтонской одежды. Особисты кинулись успокаивать и загонять в кузов, под тент напрягшихся автоматчиков взвода охраны командующего.

– Циркач – это Тюленев.

– Шапито, – это уже Каганович.

Антонов и Васильев тихонечко, про себя ржут.

Предлагаю провести смотр. Получаю добро от командующего. Даю отмашку НШ, Артур срывается с места, раздаёт команды. Бойцы бегут к машинам, скидывают масксети, рев 400 двигателей, по заранее проделанным проходам техника выходит на замёрзшее поле перед МТС, строится в аккуратные коробки, бойцы спешиваются и выстраиваются перед линией машин по подразделениям. На всё про всё 10 минут. Идём вдоль строя. Представляю командующему командование группы и командиров подразделений.

– Видим, к параду подготовился ты хорошо, – говорит Каганович, странно немного видеть чистокровного еврея перед строем немецкой техники и бойцов в немецкой форме, – А, как с боевой подготовкой?

– Всё хорошо, боевое слаживание закончено, все подразделения группы и группа в целом готовы к выполнению боевых задач, – отвечаю.

– Почему хорошо, а не отлично? – это уже Тюленев

– Отлично будет когда до крайней точки рейда дойдём.

– Ну-ну, что сегодня у Вас по плану?

– Сегодня день отдыха. В группе всё готово, боеприпасы, топливо, продовольствие, снаряжение получены согласно заявкам и уже погружены на технику. Вся техника исправна и готова к движению и бою. 18—00 – плотный ужин и отбой, завтра подъём 2—00, в 2—20 начинаем выдвижение в исходный район северо-восточнее Будённовска. Синоптики обещают на неделю вперёд преимущественно не лётную погоду, поэтому будем двигаться и днём.

– Хорошо, – это Лазарь Моисеевич мне, и далее Тюленеву, – Вы, наверное, идите, поговорите за тактику со стратегией, а я поговорю с кхм... с красноармейцами, и потом их отпущу отдыхать.

Показываю Тюленеву направление на штабной домик, направляемся туда, и тут меня посещает Мысля! Прошу разрешения у командующего отлучиться на пару минут. Бегу к Кагановичу.

– Товарищ Член Военсовета, разрешите обратиться?

– Слушаю Вас.

– Лазарь Моисеевич, а Вы не хотите сфотографироваться? На фоне и в окружении так сказать? – и обвожу рукой строй «надменных тевтонцев».

ЧВС почти сразу догоняет тему. А я продолжаю: – Представляете – подпись под фото в газете «Заместитель Сталина, Лазарь Каганович принимает капитуляцию у очередной немецкой танковой дивизии»? или «Каганович принимает присягу у 1-й моторизованной бригады „Свободная Германия“, сформированной из перешедшей на сторону РККА Н-ской танковой дивизии Вермахта»?

ЧВС аж крикнул и чуть не подавился. Минуту раздумывает, катая туда-сюда мысль, улыбается и даёт добро. Подзываю командира взвода связи, у него во взводе и фотоаппарат есть и фотограф-любитель, объясняю задачу и убываю назад в штаб – командующий не любит ждать.

В штабе – последние согласования, напутствия и пожелания, все вижу, волнуются. Шутка ли, на коленке состряпать свой советский «Бранденбург»[48] и отправить его в тысячекилометровый рейд по тылам противника. Только сейчас соображаю, что «Бранденбург» тоже на базе инженерно-строительного батальона формировался. Понимай как хочешь, что это нам даёт не знаю. Не знаю, сможем ли мы исполнить всё что задумал, но то, что головной боли и проблем немецкому командованию устроим по боле чем «Бранденбург» нам – это точно!

Ближе к обеду, начальство уезжает. Лазарь Моисеевич увозит с собой убойные плёнки с сенсационными снимками. Думаю, под Новый год в «Правде» напечатают. Вот у Адольфа шухер будет знатный. Головы полетят, а нам того и надо. Грызитесь там между собой.

Провожу крайнее перед маршем совещание со всеми командирами группы. У молодняка – мамлеев и летёх – на лицах азарт, мы ща всех порвём. Капитаны и майоры – собраны и серьёзны, понимают, что дело предстоит наитяжелейшее. Все знают, что идём в рейд по тылам. Что идём в Тихорецк знают, кроме меня, штабные и ротные, про Ростов – я, НШ и особист с командиром разведроты, про Крым – только я и особист. Куда ж без него. Ведь кто-то должен непредвзято осветить мою вредительскую деятельность, если из всей авантюры ни черта не выйдет. Шутка юмора такая. Шучу про себя, чтобы задавить мандраж. Вроде всё верно рассчитал, весь свой опыт подобрал – должно получится. Но с другой стороны – тот рейд на Тбилиси в восьмом, минимум в пять раз короче был, хоть и по горам, а тут степи, а горы только в самом конце, да и Саакашвилевские гвардейцы – явно не ровня Вермахту. А с третьей стороны – кроме немцев у меня на пути будут румынцы с италяшками – это уже другой расклад.

Не, так я себя совсем загоняю. Распущу товарищей командиров. Хлопну с Артуром и особистом втихаря по писярику коньячка и на боковую. Закончилась подготовка, завтра начнём делать то, к чему готовились.

На боковую сразу не получилось, разговорились на троих. Особист – 30-ти летний москвич старлей ГБ Вадик Корнеев решил разрядить напрягавшую нас обстановку ожидания и принялся травить байки. До этого и поговорить за жизнь с ним времени не было. Он как бульдозер пёр своё направление работы, и я, убедившись в его профпригодности не лез к нему. А тут после стопочки – разговорились. Его родители оказывается, работали в НКВДе, и он с ними в двадцатые годы немало поездил по Европе, выучил немецкий и английский. После школы сам пошёл в НКВД, и не для того, чтобы на родителей настучать. Зов души. Конан Дойля начитался, в подлиннике. Сначала постовым был, через пару лет стал опером в МУРе. Так и ловил уголовников до августа 41-го, пока не призвали. Вот уже второй год нарабатывает опыт в ловле шпиёнов. Вроде успешно, раз Звёздочку и ЗБЗ[49] имеет. Правда не колетса за что их получил. Засиделись. Ужин нам в штаб принёс сам Багромьян – нежнейший пашлык из молодого барашка. Всё охал, переживал как мы без него питаться будем. Тоже с нами тяпнул стопочку. Расхрабрился и начал рекламу наводить. Мол ещё 26 бакинских комиссаров кормил и с молодым Лаврентием Палычем в бакинском подполье работал против английских интервентов. Не знаю правда или нет, но чую куда гнёт. Точно! Просит с собой в рейд взять. А, и ладно, Корнеев не против, Артур быстренько приказ о переводе в ОмБрГ насту-

чал на машинке. Багрян же на рембазе числится. А я пока и на базе, и в группе за главного. Подписал перевод, вакансия зампотыла в группе была. Думал – какие тылы в рейде? Вот и не заполнял вакансию. Ну теперь раз зампотыл есть – можно и спать идти. На том и разошлись спать по разным углам.

11 декабря 1942 год. г. Кизляр, р. Кума, степь за Кумой.

Подъём и выход из базы прошёл организованно, я уже перестал удивляться толковости подчинённых. Погоды стояли слегка морозные, градусов пять ниже ноля. Свежий ветер гнал редкие волны слабеньких снеговых зарядов. Земля уже прихватилась морозцем. И ОМБрГ не опасаясь завязнуть в грязи, выстроившись в четыре походные колонны, двинула по полям, минуя редкие населённые пункты, к исходному району. Не смотря на ночную темень, двигались уверенно. Благо я три дня назад уже отправлял по этому маршруту разведроту. Разведчики сейчас и лидировали, соблюдающие светомаскировку, колонны. Два замыкающих каждую колонну БТра, тащат за собой на тросах десятиметровые брёвна, обвязанные сучьями и колючей проволокой. Своеобразная борона-метёлка, замечает наши следы.

К переправе через Куму вышли с рассветом. Речка и не думала замерзнуть, потешаясь рад слабенькими потугами дедушки Мороза. Наш путь на левый, северный берег Кумы. Разведчики уверенно вывели колонны к большому оврагу, здесь видимо когда-то тёк приток Кумы. Отжимаю тангенту[50] ТПУ, сопряжённого с УКВ радиостанцией. Даю три тоновых вызова и скороговоркой произношу: – Аллах Акбар.

В ответ слышу четыре тона и: – Иншала.

Опознались. Татам! Рояль в кустах! В овраге под масксетями, сапёры с четырьмя понтовыми парками. Русская армия ещё со времён Екатерины славилась своими артиллеристами и сапёрами. И сталинские сапёры не посрамили память предков, а шойгувские сапёры, будь они здесь, признали бы, что деды ни в чём не уступают мастерству внуков. Сорок минут и через реку наведено четыре наплавных моста, ещё час на переправу. И сапёры начинают демонтаж мостов, а наши следы, итак, почти не заметные, уходящие на северо-запад, замечает лёгкая позёмка.

Ещё пара часов и 50 пройденных километров. Всё прибыли. Хорошее место. Небольшие холмы, несколько небольших балок и оврагов, жиденькие рожицы и скопления каких-то по южному колючих кустов. Хорошее место для днёвки. Колоннам – стоп. К машинам. Бойцы отработывают привычную тему. Отвязать, притороченные к технике шесты, натянуть на них масксеть и зафиксировать всё растяжками. Маскировка в русской армии – производная от сапёрного мастерства. Маскировка – наше ВСЁ! Всё, через 10 минут, нас здесь нет. Сидим под белыми дырявыми «покрывалами» тихо как мышки. Благо вся техника утеплена, все тентованные грузовики, а их большинство, имеют круговую термоизоляцию кузовов из фанеры, обитой ватными матрасами. Разглядеть нас можно только в упор. Но места здесь в эту пору малолюдные. Это летом тут не протолкнуться от стад коров и отар овец. И ближайшие немцы по данным разведки отсюда километрах в двадцати. И погода не лётная, то есть летать-то можно, но на земле хрен чего разглядишь. Облака в метрах 50 над землёй проплывают, иногда даже туман опускается. Не наткнётся на нас случайный прохожий, а для неслучайного – выставляем охранение. И можно дать отдохнуть мехводам и просто водителям. Хоть водил у нас тройной комплект (в НКВД очень многие хотя бы грузовик водить могут, косоруких там не держали), и менялись водилы через четыре часа, но всё равно роздых им нужен. Ещё 30 минут на дозаправку и ЕТО[51] и всё окончательно затихает. Только снег шуршит, ветер шепчет, да ивы с шелковицами потрескивают, отбивая морзянку непонятным шифром.

Перекус пеммиканом[52], целый полевой хлеб завод, по моему рецепту, неделю пёк-сушил питательные батончики. Теперь вся наша орава неделю может питаться сладко-жирным энергетиком. Пару раз за день выходил пройтись, проверить несение службы. Замечаний и залётов не обнаружилось.

Наконец невидимое солнце свалило в Европу, на степь опустился мрак. Темнота друг молодёжи. Сколько приятно-адреналиновых ночных приключений спрятано в моей памяти, да и в Лёниной тоже. Только я собрался поцеловать за ушком, опускающуюся на пахучий стог сена, грудастую одноклассницу, как приятная дрёма была прервана ввалившимся в штабной ганомог командиром взвода связи. Его Опель со смонтированной в кунге радиостанцией стоял рядом.

– Есть сигнал, товарищ полковник! Квитанцию отправили.

Значит 4 танковая армия немцев только что начала в Котельниково свой поход в вечность, мёрзлую и тёмную вечность. Надеюсь, в этот раз эта армия не только люлей получит, но и вместе с о своим командующим Готом разделит холодно-голодную участь армии Паулюса. Думаю, Готу будет всё-таки хреннее. У Паулюса были развалины Сталинградских подвалов для обогрева, и румынские лошади с городскими крысами на пожрать. А у Гота будет только голая снежная степь вместо подвалов, а на пожрать только запах бензина в пустых баках танков.

Ну а нам, тоже пора. Полковник, Вас ждут великие дела!

12 декабря 1942 год. Степи Северного Кавказа.

На часах 02—30. В группе радиомолчание, поэтому по колоннам разбежались посыльные. Будем идти, как и вчера четырьмя примерно равными колоннами, с небольшим нарушением немецких уставов. Перед ГПЗ[53] не будет головного дозора, и БПЗ[54] не выделяются. Надеюсь, фельджандармы[55] не будут на губу меня за это сажать. Маршруты колоннам нарезаны, карты розданы, боевой приказ командирам подразделений ещё в середине дня зачитал. Каждый боец знает свой манёвр. Вперёд товарищи!

02—50, колонны тронулись, уходя в неизвестность, жарко-азартную, продуманно-непредсказуемую неизвестность, но ставя перед собой цель что б известия о них дока- тились до Берлина девятым валом похронок.

Идём-едем четыре часа, прошли сто километров, по пути попало несколько пустых то ли больших хуторов, то ли маленьких деревень. Жители ушли от сюда вместе с Красной Армией в Дагестан. Стоп колонне. Дозаправка машин, смена водителей, оправиться, мальчики на лево, а на право идти некому. И снова в путь.

Часа через три, в предрассветных сумерках, ГПЗ докладывает по УКВ и по-немецки. В нашу сторону едут два грузовика, ГПЗ с ними на встречных курсах разминулась. Останавливаемся и встречаем ранних пташек на дороге посреди степи. Летёха из разведроты в форме оберлейтенант, с двумя бойцами, одетыми в форму фельджандармов, тормозит встречных неудачников. Лающие команды на немецком, хорошо летёха в образ вошёл. Переход на корявую русскую речь. И из встреченных полуторок ссыпается дюжина бухих полицаев. Строятся в неровную шатающуюся шеренгу. Старший пытается на смеси немецкого и западэньского доложить что-то оберлейтенанту. Оберлейтенант зол. Отмашка жандармам, две очереди и шеренга валится в кювет. Старшой бандеровец, стоявший чуть в стороне, не въезжает за шо немцы ни довольни. Когда въезжает что это не немцы – начинает визжать как поросё. Экспресс-допрос. Впереди в десяти километрах село. Гарнизон – взвод немцев, рота полицаев. Бухали всю ночь. Слово за слово, драка. Немецкий фельдфебель этих провинившихся неудачников отправил на весь день по дальним хуторам. Охранение расслабившийся и разложившийся гарнизон не выставляет, радиостанции в селе нет, связь только по полевому телефону, что стоит в хате старосты, где квартирует господин фельдфебель, из транспорта – одна грузовая Татра и пяток сельских подвод. Умничка, как оказывается ты русский хорошо знаешь, вот тебе конфетка. Ой, она же свинцовая. Ну ничего полежи с корешами в кювете. Полуторки заимели новых водителей, развернулись и влились в колонну. Немецко-полицайский гарнизон в селе не беспокоили, колонна прошла не задерживаясь. Только разведвзвод тормознулся. Бойцы по-тихому слили бензин с Татры, прокололи шины. А давешний летёха в наглую впёрся в хату к старосте, объяснил вислоусому пособнику арийцев, что изымает телефон для военных

нужд, мол новый пришлём с оказией к завтраму, бухого фельдфебеля велел не будить. С чем разведчики и убыли.

До обеда встретили еще несколько одиночных и парных машин. Ещё 12 арийцев и три дюжины полицаев улеглись на вечный отдых по ближайшим канавам и оврагам. Машины решил больше пока не брать. Своих хватает. Скидывали их тоже в овраги.

Миновали еще пару больших сёл с блокпостами из немцев и полицаев. К большой, деловито шпарящей, колонне немецкие гаишники почему-то приставать не захотели. Так что обошлось без разговоров и стрельбы. Вечером в станице Успенской переправились через речку. Там пришлось разыграть целый спектакль. Серьёзный опорный пункт немцев на обоих берегах реки. Четыре 37мм зенитки, пулемёты, и пара взводов немцев. Немецкоговорящий летёха показал на посту сопроводительные документы очень похожие на подлинники 4-й танковой армии, рассказал байку про русского Сусанина, который вместо Сальска завёл колонну в какую-то глушь. Сусанина расстреляли, и колонна спешит вернуться на маршрут, а то Гот без них успеет спасти Паулюса. Так и болтали, пока вся длиннючая змея собравшейся опять вместе колонны не проползла через село. Как только Успенское скрылось из вида, колонна опять разделилась на четыре ручейка. От крайних ручейков отделилось по два танковых взвода и по роте пехоты на ганомогах. Все пойдут на Тихорецк, а у них своя цель. Два аэродрома. Очень нам необходимо их навестить.

Мы опережали мои самые смелые планы, менее суток и почти добрались до первой цели нашего рейда. По предварительным расчётам, выйти к Тихорецку мы должны были только назавтра к вечеру. К полуночи мы были в двух километрах от въезда в город. Через два часа поступили доклады от остальных трёх колонн, вышедших на исходные на юго-восточном, юго-западном и северо-западном въездах в город.

Условный сигнал, головные БТРы с включенными фарами сбивают шлагбаумы на КПП на въездах в город.

13 декабря 1942 год. г. Тихорецк.

Нас не ждали. План города командиры и изучили. Цели распределены. Жд станция с армейскими складами, комендатура, казармы охранного батальона, офис гестапо, офис организации Тодта[56], казармы вспомогательной полиции, пригородный аэродром, два ремонтных завода, пересыльный концлагерь. Организованного сопротивления немцы оказать не смогли. Они слышали стрельбу, видели бойцов в немецком зимнем камуфляже, и до последнего пытались разглядеть партизан или красноармейцев. Нам же было проще, все кто не в белом – в расход. Часа через два перестрелки начали стихать. По улицам поехали четыре машины с громкоговорителями. Динамики на чистейшем немецком и плохоньком русском от имени коменданта города извещали всех военнослужащих вермахта, граждан Рейха и служащих вспомогательной полиции, что нападение партизан-террористов отбито частями доблестного Вермахта и всем необходимо срочно собраться у здания комендатуры для получения задач по наведению порядка в городе. Через час остатки немецкого гарнизона были торжественно расстреляны у стен комендатуры.

Пересыльный концлагерь брала группа на трёх ганомогах под командованием особиста. В городе уже всюду идут перестрелки. К забору лагеря подъезжают три БТРа, и вышедший из первого, гауптманн, объявляет выскочившему на встречу встревоженному начальнику лагеря, что пришла помощь в защите от напавших на город партизан. Один ганомог остался у ворот. Второй проехал, услужливо подвозя начальника лагеря, к одноэтажному саманному зданию изображавшему одновременно штаб и казарму охраны. Третий оттянулся немного назад, на взгорок, с которого были видны все четыре вышки по углам ограждения лагеря. Начальник лагеря из БТРа так и не вышел, а ганомоги одним ДШКа и двумя 20мм FlaK 30 одновременно, превратили штаб в решето, и разобрали вышки на дрова. Бойцы быстренько, пробежались по периметру лагеря, достреливая недобитых охранников, но не выпуская пленных

из барачков. Корнеев в сопровождении растерянного начальника лагеря прошёл в недоразвалившийся штаб для изъятия документации. С помощью начальника удалось быстро разобраться с архивом, немецкая аккуратность и педантичность нам в помощь. В лагере на вчерашний вечер – 570 пленных, из них 27 – сотрудничают с администрацией, остальные – 7 мамлеев и лейтенантов, 48 сержантов и старшин и 488 рядовых. Неходячих 59.

Через штатный лагерный громкоговоритель объявляется общее построение. Теряющиеся в непонятках бывшие пленные привычно строятся перед линией барачков. Вадик, забравшись на капот БТРа, подпуская в голос немецкий акцент вызывает из строя предателей. Те не понимают темы и исполняют. Теперь Корнеев переходит на чиста мАсковский говор, и объявляет, что город освобождён рейдовыми частями регулярной Красной Армии, хоть и переодетыми в форму вермахта. Указывает на стоящих перед строем пособников оккупантов и спрашивает – может ли кто за кого-то из них замолвить хорошее слово. В ответ только возмущённый русский мат. Предателей расстреливают под одобрительный русский мат. Строй смешался, радостный гул, состоящий почти целиком из мата. Великий и могучий Русский Язык, он одинаково способен раскрыть души порывы как татарина, так и киргиза с армянином! Особист стреляет в воздух.

– Смирно! По-барачкам, в пять шеренг стройся! Товарищи командиры и красноармейцы, хоть вы и побывали в плену, но от присяги вас никто не освобождал! Обычно, все освобождённые из плена отправляются на проверку в фильтрационные лагеря для того, чтобы выявить скрытых врагов, предателей и шпионов. Но мы уже их выявили, – кивает на трупную кучку, – Поэтому сейчас из вас будет сформирован стрелковый батальон, оружие, недостающую форму, и продовольствие подвезут в течении часа-двух, тогда же заберём в госпиталь всех раненных и больных. Первая задача батальона будет – до полудня ещё раз прочесать город на предмет выявления спрятавшихся фашистов и их пособников. После этого батальону будет выделен район обороны, который вы и будете оборонять до подхода основных сил Закавказского фронта. А сейчас – командиры выйти из строя. Приступаем к формированию подразделений.

На захваченных складах кроме разнообразной стрелковки нашлось довольно много оружия усиления. Немецкие пехотные 50-мм миномёты, ручные и станковые пулемёты, даже пара десятков «колотушек» 3,7 cm Pak 35/36[57]. В общем получилось вооружить вновь сформированный батальон вполне прилично.

На железнодорожной станции у нас были самые большие потери. Станция была забита составами. Один состав с ранеными немцами, ещё один пустой госпитальный состав предназначенный для 4-й ТА, четыре состава с отремонтированной в Ростове броне- и автотехникой. Состав с танками танкового батальона. Повезло что личный состав этого батальона и ещё двух маршевых батальонов размещался в плацкартных вагонах отдельного эшелона. Его немцы отогнали по ближе к пустырю. Видимо отхожих мест на вокзале не хватало, и что бы не загадить станцию, эшелоны с личным составом немцы ставили напротив довольно обширного пустыря, используемого арийцами за общественный туалет. С этого пустыря эшелон и размолили из автоматических пушек. Но наличие множества мест для укрытий, позволило немцам ещё два часа сопротивляться, а мы старались без нужды особо не портить станцию и подвижной состав. И всё равно один состав с топливом загорелся. Имевшиеся в составе штурмующих железнодорожники (Это не рояль! Железнодорожные войска в то время входили в состав НКВД), смогли отогнать эшелон за станцию, где он и полыхнул во всю мощь тысячи тонн бензина. Четыре бойца сгорели в паровозе, только три оплавленных МП-40 и один ППШ от них остались.

В результате боя на станции, нам досталось, кроме богатых станционных складов, четыре состава с топливом и ГСМ, два- с боеприпасами, один с продовольствием, один с вещевым имуществом, два состава с инженерным имуществом, 4 состава с 32-мя танками, 70-ю различными БТР и БА, и 75 грузовиками, ещё три порожних состава, один с – теплушками, два –

с платформами, два санитарных поезда, один с ранеными, один – только с персоналом. И стоящий после ремонта без экипажа бронепоезд. Один санитарный поезд с ранеными на следующие сутки, пополнив вторым комплектом немецких врачей, отправили обратно в Пятигорск к немцам.

На станции мы потеряли 37 человек убитыми и 55 ранеными, безвозвратно было сожжено два Шермана, ещё две «тройки» и два БТРа подлежали ремонту. Общие потери группы при захвате Тихорецка составили – три танка, три БТРа и пять грузовиков – безвозвратно, два танка и пять БТР подбитых, но ремонтпригодных, 62 убитых и 97 раненых бойцов.

На пригородном аэродроме обошлось вообще без потерь. В первую же минуту атаки, начавшейся одновременно с общим штурмом города, танки раздавили гусеницами всю МЗА, немецкие зенитчики просто не успели добежать из землянок до своих позиций. А потом танки катались по лётному полю, давя самолёты на стоянках. БТРы же, заняв позицию в начале взлётки, давили огнём из крупняков ещё не понявшую, что надо сдаваться обслуге аэродрома. Всего на аэродроме было уничтожено 42 истребителя, 9 бомбардировщиков и захвачено невредимыми три транспортных HE-116[58] и два штабных-связных Fi 156 Штёрха[59].

К рассвету в город подтянулись обе группы отправленные навестить другие два аэродрома. Отчитались. В целом всё прошло по плану, в одном месте сценарий боя повторял события на тихорецком аэродроме. В другом пришлось пострелять из пушек, потеряли одну «тройку» и один БТР, 9 убитых и 5 раненых. Всего уничтожили 69 истребителей, 27 бомбардировщиков и 12 транспортников, 36 орудий зенитной артиллерии. Немецкие трупы не считали, пленных не брали.

В шесть утра была отправлена шифровка в штаб фронта о взятии города. Там удивились, мы на сутки опередили график, даже один раз переспрашивали-уточняли правильно ли нас поняли. В Грозном началась суета. Переброска десантников готовилась только на завтра. Мы сообщили, что десанту тяжёлое вооружение и много боеприпасов брать не надо, всё получают в Тихорецке со складов. Продовольствия здесь тоже полно. Так что могут лететь налегке. Первые самолёты на аэродром приняли в полдень, и к полуночи все полторы тысячи планировавшихся к высадке десантников были доставлены в Тихорецк. В течении дня на аэродром, кроме наших ЛИ-2[60], приземлилось ещё два Ю-52[61] привёзших из Ростова группу немецких отпускников во главе с НШ 17-й армии генерал-майором Фридрихом Зикстом[62]. Арийцев радушно встретили, слегка попинали, повязали и без передышки отправили попутным самолётом в Грозный.

Начиная с рассвета начал восстанавливать в Тихорецке Советскую Власть. В городе были подпольщики, поддерживавшие связь с Большой Землёй. Они, кстати, очень помогли дополнить разведсведения, добытые разведупром фронта при подготовке к нашему рейду. Вместе с особистом вывели подпольный райком из подполья, заселили в здание комендатуры, и поставили задачу по мобилизации военнообязанного населения в батальон народного ополчения, а остального работоспособного населения на строительство рубежей обороны города. Во время постановки задач подпольщикам, в комендатуру прибыл командир сводной бригады десанта подполковник Андрианов. Тут же назначил его комендантом города, подчинил ему батальон, сформированный из бывших пленных, и формируемый батальон народного ополчения и озадачил подготовкой города к обороне.

Связь с немецким командованием в Ростове, Краснодаре и Ставрополе в течении дня устойчиво поддерживалась по телефону. Связисты самозабвенно вешали лапшу арийцам. Мол было ночью нападение партизан-диверсантов. Нападение отбито, но, к сожалению, почти всё руководство города и гарнизона погибло – нападение произошло в момент выездного совещания в ресторане ж/д вокзала. Радиостанцию вывели из строя, ж/д узел повреждён, но своими силами к обеду восстановим. В общем не переживайте и присылайте новых начальников и радистов с радиостанциями. Автомобильное движение к городу днём продолжалось. На КПП

на въездах в город приняли от оккупантов и полицаев около сотни штук различного автотранспорта тылового назначения.

К обеду принял доклад от зампотеха и зампотыла о доставшихся нам ресурсах, поставил задачи по восполнению потерь и вместе со своим НШ начал подготовку к рейду на Ростов. После обеда, забрав у Андрианова одну роту десантников, начал концентрировать подразделения ОМБрГ на ж/д станции и на аэродроме. В 18—00 в помещении ж/д вокзала провёл совещание с командирами служб и подразделений. Поставил задачу на рейд в Ростов. НШ выдал заготовленные карты по маршруту и карты Батайска и Ростова. Народ у меня подобрался лихой, но всё равно командиры малость подохрели от наглости и масштабности задачи.

Всю технику грузим на платформы. Всего получается уместиться на десяти составах [63], плюс одиннадцатый с боеприпасами и топливом. Впереди пойдёт бронепоезд. Эшелоны пойдут с минимальными трёхминутными интервалами, без остановки до Батайска. Связисты уже заказали у немцев зелёную улицу для бронепоезда и поезда с ранеными. Будем надеяться, что немецкие железнодорожники не подведут, стрелки не перепутают. Бронепоезд и два эшелона не задерживаясь идут дальше через Дон, в Ростов. Для всех составов за день успели сделать по четыре быстро сборные аппарели. Так что, если придётся разгружаться на необорудованных площадках – проблем не будет. За работу товарищи, грузимся, время «Ч» в 24—00!

14 декабря 1942 год. г. Тихорецк —г. Ростов-на-Дону.

Сумасшедший день закончился, наступает следующий. Прощаемся с Андриановым, взаимно желаем друг другу удачи. Запрыгиваю на первую платформу состава. Поехали. Я с большинством штабных еду в пятом с головы колонны составе. По железной дороге до Ростова около 170 км. Часа три-четыре в пути.

Забираюсь в штабной БТР. Теперь можно слегка вздремнуть. Всё равно от меня сейчас ничего не зависит. Надеюсь, всё срастётся как задумано. Шухер у немцев должен начаться под утро, когда сообразят, что из Тихорецка ни поезда не идут, ни машины не едут и самолёты не летят. Тогда и начнут суетиться, а в это время и в Ростове у них проблемы начнутся. С тем и заснул.

Железная дорога, перестук вагонных колёс, ни с чем не сравнимый запах чая из топящегося углём вагонного титана. Романтика. А для романтики ещё и симпатичную попутчицу в отдельное купе. Мечты курсанта при отъезде в отпуск. Только проездные курсантам положены на плацкарт. Но мне повезло-не повезло. Ротный докопался до меня за какой-то залёт, нарезал задачу по уборке от снега ротной территории на спортгородке училища. Все однокурсники свалили в отпуск ещё утром, а я свой отпускной получил только вечером. Поезд, на который заранее был куплен билет ушёл ещё в обед. Непруха. На следующий поезд в кассах остался только один билет в СВ. Денег хватает —стипендия повышенная, за отличную учёбу. Беру СВ и мечтаю о блондинке. А теперь надеюсь – пруха. Два дня в пути в уютном купе с прекрасной незнакомкой. Романтика в квадрате. Загружаюсь в вагон. Соседки – нет. Где же ты, где? Минута до отправления – её нет. Неужели мне придётся два дня мучиться от одиночества. Ура – кто-то идёт. Пруха. Ага, фиг вам! Откатывается дверь и в проёме возникает... бабулька лет за семьдесят в черном траурном платке. Непруха. На похороны едет бабушка. Самое противное, то, что бабулька оказывается довольно приятным в общении человеком, и ненавидеть её за растаявшие курсантские мечты-надежды не получается.

Проснулся. Думаю. Если это вещий сон, то про что он? Про переменчивость везения или про то, что скромнее надо быть в своих запросах? От философских рассуждений отрывает звонок полевого телефона. На часах 04—20. От радиной машины протянут кабель в штабной БТР. Посыльных то по платформам, на ходу гонять не напасёшься, а радио лишний раз трогать незачем. Связисты сообщают – получен условный сигнал от бронепоезда. Они уже в Батайске, немцы пока спокойны. Ну вот, ещё десять минут, и мы тоже будем в пригороде Ростова.

Вокзал в Батайске взяли под контроль тихо и быстро. Эшелоны энергично разгружаются. Но сам Батайск по менее Тихорецка будет. Первые разгрузившиеся уходят брать под контроль мост через Дон. Со стороны Ростова слышны первые выстрелы. За Доном встаёт зарево большого пожара. Проходимся по Батайску частой гребёнкой, разносим всё мало-мальски похожее на оплоты оккупантов. Но проводить сплошную зачистку пока нет времени. Основные силы группы устремляются через захваченный мост в Ростов.

Такое ощущение что стреляют по всему городу, но как-то не тянет это на эпичную битву. Подразделения ОМБрГ медленно растекаются по охваченному то ли паникой то ли непонятками городу. Организованное сопротивление только в районе ипподрома и на трёх, находящихся практически в городской черте, аэродромах. Подразделения зачищают улицы, штурмовыми группами, так как меня и учили. Впереди по обоим сторонам улицы, прижимаясь к стенам домов идёт группа пехоты (5—7 автоматчиков и расчёт или два с немецким МГ) контролируя дома на противоположной стороне улицы. За ними в 30—50 метрах, уступом два танка, по противоположным сторонам улицы, готовые поддержать огнём пехоту. Далее в 50—100 метрах тоже уступом идут два БТРа с зенитными пулемётами или автоматическими пушками – эти контролируют верхние этажи и крыши. В БТРах же сидят стрелки-снайперы, они у меня в каждом отделении есть. Далее ещё пара грузовиков с пушкой и миномётом. Их задача – держать очередной зачищенный перекрёсток, пока штурмовая группа идёт к следующему перекрёстку.

Бронепоезд катается по железной дороге, окружающей практически весь город кольцом, проехал раз —обстрелял по очереди все три аэродрома, поехал дальше мимо Александровской до Аксаю, расстрелял там железнодорожную станцию изничтожив всё путевое хозяйство. Потом обратно вдоль берега к мосту. Три раза так проехать получилось, пока немцы не сообразили пути подорвать.

А, когда солнце встало, мы уже почти всех немцев выдавили за пределы кольцевой ж/д. Ленгородок тоже зачистили. К обеду, изредка постреливавшие на окраинах, немцы оттянулись к Аксаю и по дорогам на Чалтырь и Красный Крым.

Подводим предварительные итоги. Потеряли подбитыми 12 танков, 16 БТРов и 11 грузовиков, по личному составу – 112 убитыми и 176 ранеными. Из трёх расположенных по окраинам концлагерей освободили 5 720 пленных красноармейцев и на Батайской пересылке – 311 средних и старших командиров. Видок правда почти у всех по сравнению с Тихорецкими пленными – печальный. В Тихорецке основная масса – и двух месяцев в плену не провела. А эти – почти все чуть не с лета в плену. Заморенные, исхудавшие, больные. Почти половину пришлось в спешно организованный госпиталь отправлять. Но всё равно полнокровный стрелковый полк мы из бывших пленных сформировали.

Немецких раненых в два приёма вывезли в Кулешовку и нагло позвонили коменданту Азова, что б забрал земляков.

Трофеи достались богатые. Одной бронетехники раз в пять больше, чем потеряли. Что-то с расположенных в городе армейских ремзаводов, что-то новенькое на платформах прямым из Рейха. Очень порадовали 18-ть 170-мм пушек^[64] с неплохим запасом снарядов. С артиллерией достойно – полторы сотни различных калибров, от 37-45-мм и до упомянутых 170-мм. Про стрелковку, боеприпасы, топливо и продовольствие – минимум нам на пару-тройку месяцев автономной обороны.

На аэродромах ни чего кроме радиолокатора не захватили (отдельное спасибо разведrote – это их задача была), зато сожгли 120 бомбардировщиков, 67 транспортников и 41 истребитель.

В 14—10 отправил полный отчёт в штаб фронта. Там минут 30 молчали. Потом спросили про мой большой зуб, проверяют. Нету, отвечаю у меня больших зубов. Поверили – поздравляют. Спрашивают, что надо, сколько продержимся. Прошу по возможности прислать десант-

ный батальон, боле ничего не нужно. Спыхватываюсь, наглею и прошу прислать на местный аэродром полк истребителей и полк штурмовиков. Топливом и боеприпасами обещаю обеспечить на месте. Две недели точно продержимся. Так что, давайте не тормозите – начинайте наступление. Пообещали, как только, так сразу. Пообщались. У меня во взводе связи два якута и один шорец, а в штабе фронта на узле связи тоже якут и шорец есть. Так что иногда можно открытым текстом через переводчика говорить с Большой Землёй.

Сижу на крыльчке какого-то старинного дома на Большой Садовой, что выбрал для штаба обороны города. Курю, жду, когда подпольный обком подтянется, я что ли один Советскую Власть должен восстанавливать. И тихонечко, практически про себя, хихикаю. Представляю, что в Тбилиси и в Грозном сейчас происходит, там начальство, хотя бы в курсе было того, что я натворить был должен. И просто не представляю, что происходит в Москве. – Ви, чито там на Кавказе перепились все, чито Ви такое говорите, одной бригадой за два дня два города визяли? Ростов визяли? Группу армий «А» окружили? Растрэлять шютника!

А что в Берлине будет твориться, когда узнают, что не прошло и месяца как Гитлер передал командование Вермахтом Клейсту и тот обосрался? Жаль, ютуба ещё нет – озолотился бы за видяху с такого представления. А что будет твориться в штабах Клейста[65] и Гота[66], когда там дотумкают что их ждёт та же судьба что и армию Паулюса[67].

Даже если мы не удержим Ростов до подхода фронта, две недели продержимся точно и погибая разнесём нахрен всю ж/д инфраструктуру. Немцам пару недель всё восстанавливать. Итого месяц почти миллион, а может и больше, немцев без снабжения. Да в разгар зимы. Наши их замучаются в плен брать, а тыловики меня проклянут – как такую ораву прокормить, не рассчитывали на такую толпу.

Кстати, о Готе и Клейсте. Что бы там Адольф не приказал, а обоим генерал-полковникам надо срочно прекращать рваться к Сталинграду и Грозному, и вертать оглобли взад, СРОЧНО нестись выбивать меня из Ростова, пока бензин в баках есть и последние сухари с лошадьми не съедены.

Ну, наконец —то! Подъезжает Корнеев на крутом чёрном лимузине. Притырил уже где-то у немцев. Вместе с ним из мерседеса выходит круглолицый, по южному чернявый, парень лет тридцати с такими же как у Брежнева, то бишь у меня, густыми бровями.

– Вот, Леонид Ильич, знакомься. Подпольный горком. Это лейтенант ГБ Михаил Югов[68]. Командир местного партизанского отряда.

Крепко жмём друг другу руки. Помню, где-то читал про этого героического грека. Ростовский резидент начштаба ЦШПД[69] – Пономаренко Пантелеймон Кондратьевича.

– В багажнике презент привезли, – говорит Вадим. Откидывает крышку и оттуда вываливается связанный мужик, – Тикерпу[70], – продолжает абракадаброй, и поясняет, – Бургомистр тутошний.

Вспоминаю сон про Берию: – В пропасть его! – Мужики удивлённо переглядываются – Шютка юмора, – говорю – Сначала допросить, а потом всё-таки в пропасть!

– Китель сбежать пытался, убит при попытке скрыться.

– Ну, Вы даёте, по пиджакам стрелять, больше патроны девать некуда?

– Да, не... Генерал-майор Киттель[71]. Главным по Ростову от немцев был, – поясняет Югов.

– Тут, оказывается, как Миша говорит, такой гадюшник! Даже белоказак с белокалмыками есть, откуда только немцы их пособирали, – плюётся Корнеев.

Подъезжает дребезжащая полуторка. Стоящие чуть в отдалении бойцы охраны штаба напрягаются. Но Корнеев машет им рукой – расслабьтесь, свои это. Из кузова машины выпрыгивают четверо разновозрастных мужиков и один пацан лет четырнадцати. С радостными улюлюканьями, выволакивают потрёпанного гауптштурмфюрера.

– Успели, товарищ лейтенант, успели. Взяли гада, – галдят мужики. На лице Югова появляется кровожадная улыбка. Поясняет мне: – Гауптштурмфюрер Маршинке, командир Ростовской гестаповской зондеркоманды [72].

– У Югова хорошая записная книжка есть, я ему людей уже выделил в помощь. Так что сейчас пол-разведроты с людьми лейтенанта, мотаются по городу, собирают урожай, – говорит Корнеев, – Сейчас в ещё одно место поедем. Какое-то мутное место. Не то расположение Абверкоманды [73], не то детский дом. Но там повозиться придётся.

Меня как током дёрнуло.

– А, конкретнее?

– Понимаете, товарищ полковник, – начинает излагать Югов, – На Зелёном острове есть отдельно стоящий двухэтажный дом со своим двором и хозпостройками, до войны там вроде детская секция яхтенного спорта была, там часто бывал начальник Абверкоманды- 201 [74] майор Ольбрихт, ну и вообще немцы из Абвера постоянно тёрлись. И почему-то туда часто русских детей привозили, в основном пацаны 10—14 лет. Мы сначала чего только не передумали. Но это не госпиталь что бы кровь у детей сливать и опыты там всякие медицинские ставить. На бордель тоже не похоже. Думали, что, как заложников держат. Но недавно случайно мои ребята выяснили. Немцы этих пацанов стрелять учат, спортом с ними занимаются. Пару раз видели, как их на аэродром возили с парашютами прыгать. Вот мне и вспомнилось. Прошлой зимой была ориентировка, что где-то под Брянском или в Белоруссии немцы разведшколу для детей из оккупированных территорий сделали. Думаю, что и на Зелёном, что-то похожее может быть.

– Сейчас, переправу на остров с обоих берегов Дона заблокировали. Бронепоезд хочу попросить поставить на набережной, напротив острова, на всякий случай, – говорит Корнеев и ждёт моего одобряющего кивка, – Там по идее, немцев не должно быть много. Штук сорок-пятьдесят. Возьмём разведвзвод и пару стрелковых взводов, плюс мужики из отряда Миши. Думаю, справимся.

Решаю тоже туда поехать. Больно интересно стало. Выдвигаемся на набережную. Бойцы уже на той стороне, на острове. Далеко от наплавного моста не отходят. На острове пока всё спокойно, никакой стрельбы нет. Жаль танки туда не переправить. Мост не выдержит. Но два БА SdKfz 247 Ausf B [75] и один полугусеничный бронетранспортер SdKfz 250/1 [76] на остров по переправе прошли.

Начинаем прочёсывание острова, постепенно подходя к разведшколе. То, что это разведшкола уже понятно. Даже тактическое поле уже нашли. На остров немцы местных никого не пускали. Даже за выход на набережную могли расстрелять. Так что тут есть представляем себе очень приблизительно.

Наконец наши бойцы окружили двухэтажное здание бывшего яхт-клуба. БТР выезжает чуть вперёд за линию залёгшей пехоты, бает очередь по верх крыши, привлекая внимание. И Корнеев орёт в громкоговоритель, типа что б сдавались, иначе нахрен всё снесём. Молчание. Потом нас посылают, при чём и по-русски и по-немецки.

БТРы начинают кромсать здание из пулемётов, бойцы под прикрытием этого огня идут на штурм. По фасаду у дома десять окон, в каждое летит по гранате. Бойцы, подсаживая друг друга лезут в окна первого этажа. БТРы работают по второму этажу. Внутри здания раздаётся ещё несколько взрывов гранат. Очереди быстро смолкают. Иногда раздаются одиночные выстрелы. Через пару минут из двери высовывается сержант-разведчик и машет рукой, мол готовы и начальство на инспекцию принять. Идём с Корнеевым к зданию. Сержант у двери как-то бледновато выглядит. Корнеев спрашивает, не ранен ли он.

– Не, товарищ старший лейтенант, все наши целы. Немцев всего пятеро было. И там пацаны, человек пятнадцать в одной комнате, всех гранатами положило.

– Взяли кого живым?

– Да, есть один унтер раненый.

– Пошли, посмотрим.

Сержант ведёт нас по коридорам. Заходим в комнату. Явно – казарма. Десяток железных армейских двухъярусных кроватей разбросано по большому – метров пятьдесят квадратных – помещению. На полу трупы детей лет 10-15-ти. У комнаты два окна. Соответственно две гранаты сюда прилетело. Сержант и ещё один боец, бледные, руки дрожат, топчутся на середине комнаты.

Боец дрожащим голосом шепчет: – Это я гранату сюда кинул.

Корнеев наклоняется над одним из пацанов. Потом подходит к другому, переворачивает его. Быстро обходит еще несколько трупов. Поворачивается к бойцу.

– Отставить сопли, боец. Они все уже были мёртвые. Их застрелили. Смотри внимательно. Вон пулевые.

Боец светлеет лицом. Но ему всё равно не по себе. Отправляю его на улицу. Продолжаем осмотр разведшколы. На втором этаже часть коридора отгорожена железной дверью. Дверь открыта. За дверью ещё три. Три комнаты. Явно кабинеты начальства. В самом большом – стоит здоровенный сейф-шкаф. Сейф заперт.

Даю команду притащить сюда пленного. Приводят унтера. Рука и бок в кровающихся бинтах, на морде здоровенный фингал.

Спрашиваю про ключ от сейфа. Ключ у начальника Абверпункта. Начальника нет. Уехал вчера вечером в бордель и не вернулся. Унтер говорит, что он инструктор школы. Отвечал за воспитание детей. Расстрелял их, естественно не он, а другой, мамой клянусь! И вообще я в тридцать втором за коммунистов голосовал. Сука.

Корнеев шерстит по шкафам и тумбочкам. Судя по его виду – пока ничего стоящего. Заходит Югов. Спрашиваю его на счёт медвежатника.

– Пospрошаю, тащ полковник. Откроем.

Иду обратно в комнату к пацанам. Их уже сложили рядком вдоль стенки и прикрыли одеялами. Откидываю одеяла, всматриваюсь в лица. Все коротко острижены, короткий ёжик на головах. Да ну нафиг. Не может так везти! У одного из пацанов из-под ёжика волос проглядывает большое родимое пятно.

Возвращаюсь к Корнееву.

– Я в штаб. Потом мне всё доложишь, что найдёте. Если списки курсантов школы найдёте – покажи. И разберитесь, где начальник школы, в каком борделе завис.

– Обижаешь командир. Всё уже делаем. И за медвежатником послали и в бордель. Всё тип-топ будет.

Вечером Корнеев с Юговым притащили несколько мешков с документами разведшколы. Нашёл список курсантов. Читаю. Михаил Сергеевич Горбачёв. 1931 г.р. с. Привольное. Сука! ...ЛЯДЬ подзаборная! Ходили, слышал слухи про меченного, что его немцы вербанули и потом на крючке держали. И вот. Только и сказать не кому. Сейчас не поймут. Для всех он простой малец, запуганный фашистами. А, туда откуда я родом не докричишься. Одно радует – не вырастет из мальчика враг народа. Правда хрен его знает кто на его месте может оказаться. Ладно после войны будем разбираться. А сейчас можно пятьдесят капель опрокинуть. Не за горбатого, за тех, кому жизнь этот сука поломал, и за тех, кто жизни лишился из-за этого пидора.

В общем денёк был весёлый. Ловили попрятавшихся немцев и их пособников. Нашли и начальника разведшколы. Реально в борделе прятался. Корнеев его уже крутить-раскручивать начал. А с наружи к нам пока немцы не лезли. Как стемнело на захваченные аэродромы начали прилетать самолёты. Транспортники с десантом, и истребители с штурмовиками.

14 декабря 1942 год. г. Москва.

Сегодня Сталин работал с документами, на приём никого не вызывал. Около половины пятого вечера в приёмной Поскрёбышева[77] один за другим раздалась три звонка. Оперативный дежурный по Генштабу, дежурный ЦШПД и секретарь наркома НКВД – сообщали что их шефы выехали в Кремль и просят Сталина принять их со срочным докладом.

В 16—45 в дверях приёмной Сталина столкнулись неожиданно для себя три замечательных человека. Начальник Генерального Штаба РККА генерал-полковник Василевский Александр Михайлович, первый секретарь КП БССР и начальник Центрального Штаба Партизанского Движения Пономаренко Пантелеймон Кондратьевич и человек со множеством должностей, но прочно вошедший в историю, как Генеральный комиссар Государственной Безопасности Нарком внутренних дел Лаврентий Павлович Берия.

Невозмутимый Поскрёбышев, снял трубку внутреннего телефона: – Да, товарищ Сталин, пришли, все трое, хорошо. Заходите, Вас ждут, – это уже удивлённым посетителям.

Зашли. Поздоровались. Сталин прохаживается по кабинету и на ходу: – Ви, я так подзреваю по одному вапросу, товарищи? Судя по лицу Пантелеймон Кондратьевича, у нас читото хорошее в тылу у оккупантов произошло?

– Ростов, – это Василевский.

– Ростов-на-дону, – Берия.

– Наши в Ростове, товарищ Сталин! – Пономаренко.

– Очень, харашо, хотя и неажиданно. Излагайте. Кто начнёт? – Сталин окидывает взглядом застывших вестников, задерживает взгляд на начальнике Генштаба, держащем в руке пухлый портфель, – Пожалуй, начнём с товарища Василевского. Прошу Вас, докладывайте.

– Разрешите, – кивок Сталина, и Василевский, достав из портфеля большую склейку, раскладывает её на столе для совещаний. И прокашлявшись, хорошо поставленным уверенным голосом прирождённого штабиста начинает доклад.

– 29 ноября командующим Закавказским фронтом, принято решение о формировании Отбельной Мобильной Бригадной группы с вооружением группы трофейной бронетехникой. Командиром группы назначен полковник Брежнев. Группа готовилась для рейда по тылам группы армий «А». В ночь с 11 на 12 декабря, ОМБрГ пользуясь разрывом фронта севернее г. Будённовск начала движение по тылам противника. Совершив суточный марш, и не будучи обнаруженной противником, она вышла к концу суток 12 декабря к городу Тихорецк и сходу им овладела. В городе были захвачены большие трофеи, включая бронетехнику и даже один бронепоезд. Из освобождённых пленных красноармейцев и мобилизованных местных жителей, командованием ОМБрГ были сформированы и вооружены два усиленных стрелковых батальона. Командование Закавказского фронта, в течении 13 декабря перебросило на аэродром Тихорецка сводную десантную бригаду. Командование группы армий «А» и немецкие оккупационные власти на Северном Кавказе в течении 13 декабря, были введены в заблуждение. Им по телефону было сообщено, о нападении на Тихорецк партизан-диверсантов, в результате чего был повреждён железнодорожный узел города. Но нападение отбито, повреждения скоро будут устранены своими силами. Командир ОМБрГ Брежнев принял решение: организовать оборону силами десантной бригады и двух сформированных батальонов, а ОМБрГ пополнить из трофеев техникой и железнодорожным транспортом перебросить к Ростову. Что и было сделано в ночь с 13 на 14 декабря. Эшелоны бригады, поддержанные действиями бронепоезда, выгрузились в Батайске и Ростове и начали штурм города. К 12 часам дня Ростов и Батайск были полностью освобождены подразделениями ОМБрГ. Из концлагерей в Ростове и Бийске, освобождено более 5 тысяч пленных. Из них начато формирование стрелкового полка. В ходе всего рейда, подразделениями группы было атаковано шесть аэродромов противника и уничтожено на них 152 истребителя, 156 бомбардировщиков и 79 транспортных самолётов противника, что составляет, по данным разведки, до 60 процентов всех наличных в группе «А» самолётов. Кроме того, захвачены армейские и фронтовые склады немцев,

на которых находится до 50 процентов всех запасов топлива, боеприпасов и продовольствия группы армий «А». В Тихорецке 13 декабря был захвачен в плен начальник штаба 17-й армии вермахта генерал-майором Фридрихом Зикст, прилетевший туда на Юнкерсе. Успеху действий ОМБрГ способствовала погода, исключавшая ведение воздушной разведки, и использование группой немецкой техники, формы и вооружения.

– Н-да, удивили, Суворов и Денис Давыдов под одной фуражкой какой-то, этот Брежнев. Где это всё время Тюленев прятал такого талантливоего полководца?

– До 30 ноября полковник Брежнев Леонид Ильич проходил службу в должности заместителя начальника политуправления Закавказского фронта, – выдал справку Берия.

– Ви уже подумали, что нам теперь нужно делать в связи с изменившейся обстановкой? – Сталин снова обратился к начальнику Генштаба.

– Вследствие действий ОМБрГ, – продолжает Василевский, – Стратегическая обстановка на Северном Кавказе и нижнем Дону кардинально изменилась. Брежнев уверяет, что удержит Ростов минимум две недели. Из анализа обстановки следует. Немцы безусловно будут штурмовать Ростов. Западнее Ростова, в непосредственной близости у немцев есть только разрозненные части 4-го румынского армейского корпуса. Эти части практически не имеют тяжёлого вооружения и в случае, если немцы бросят румын на штурм – ОМБрГ его отобьёт. Для действительно эффективного штурма с запада немцам необходимо собрать группировку минимум из 2—3 пехотных и 2 танковых дивизий. Ближайшие танки у немцев – в группе армий «Центр» во второй танковой армии между Орлом и Брянском. Кроме того, немцы могут перебросить танковые дивизии из Европы. Для сосредоточения танков 2-й ТА под Ростовом, немцам потребуется минимум неделя, для переброски танковых дивизий из Рейха – недели две. Соответственно нам необходимо не дать немцам снять войска с центрального участка фронта. Генеральный штаб планирует приказать Западному, Брянскому и Воронежскому фронтам усилить давление на передний край немцев и имитировать подготовку к масштабному наступлению.

Восточнее Ростова – 4-я танковая армия и группа армий «А». Уже завтра они будут вынуждены прекратить активные действия на фронте, в связи с недостатком топлива. Соответственно Гот и Клейст, вне зависимости от того какие приказы придут из Берлина, как минимум будут вынуждены снять с фронта подвижные части и отправить их брать Тихорецк и Ростов. Хотя если с ходу не получится взять Тихорецк, то немцы возможно не будут терять время на штурм, обойдут город и направятся к Ростову. Танкам Клейста и Гота понадобится около недели на путь до Ростова, а так как железной дорогой от Тихорецка до Ростова они не смогут воспользоваться (Брежнев после взятия Ростова отправил бронепоезд обратно по дороге с задачей уничтожения или угона в Ростов всего подвижного состава), то к Ростову они подойдут на остатках горючего, или будут вынуждены половину техники бросить на полпути. Брежнев скорее всего примет решение оставить Батайск и взорвёт мост через Дон. И немцам понадобится ещё неделя для организации переправы скорее всего выше по течению. Если части Закавказского фронта начнут давление на немцев после ухода их подвижных соединений, то Клейсту нечем будет ответить. И он начнёт отступать вслед за своими танками. Таким образом Закавказский фронт, наступая, сможет сильно сократить свою линию фронта, что увеличит концентрацию сил фронта и позволит усилить нажим на немцев. Скорее всего через несколько дней после начала отхода к Ростову танков, немецкое командование будет вынуждено принять решение об эвакуации всех своих сил с Северного Кавказа. Сейчас по данным разведки у Клейста и Гота вместе около 900 тысяч солдат и около 850—900 танков. Через неделю до половины личного состава и танков будут под Ростовом. Остальные танки будут брошены, а тысяча 400 пехоты будут пытаться задержать наступление Закавказского фронта. Что при наличии у Закавказского фронта более миллиона солдат и 1300 танков заведомо обречено. Тыловым службам необходимо готовиться к приёму в ближайшие две-три недели нескольких сотен тысяч военнопленных немцев. А соединениям Сталинградского и Закавказского фрон-

тов необходимо готовиться к уничтожению нескольких сотен немецких танков, испытывающих недостаток топлива и боеприпасов, зажатых на небольшом участке вдоль нижнего течения Дона. 17-я армия немцев возможно сможет задержаться на Таманском полуострове, где будет окружена и будет пытаться переправиться в Крым.

– Так что, товарищ Сталин, скорее всего Ростов Брежнев две недели удержит. Дальнейшее же целиком зависит от действий Закавказского и Сталинградского фронтов. Но в любом случае можно с уверенностью сказать, что в течении двух-трёх недель мы сможем освободить практически весь Северный Кавказ.

Волнение Сталина выдавали только более частые затяжки трубкой.

– Если одна сводная бригада во главе с полковником смогла так хорошо врезаться немцам, то я думаю два фронта, во главе с генерал-полковниками тоже смогут постараться и ещё более хорошо врезаться немцам!

– У Вас, товарищ Пономаренко, есть что добавить?

– Товарищ Сталин, Штаб партизанского движения, уже отправил приказ партизанским отрядам и подпольщикам, действующим на Северном Кавказе и в Ростовской области, начать диверсионные действия на коммуникациях немцев. Отрядам, действующим вблизи от Тихорецка и Ростова приказано выйти на связь с командованием обороны этих городов и влиться в состав обороняющихся.

– Думаю, товарищи, чито партизанам нэ надо ограничиваться одним только Северным Кавказом, думаю все партизанские отряды на всей временно оккупированной территории должны, не считаясь с потерями объявить месячник по активным диверсиям на железных дорогах.

Верховный Главнокомандующий, замолчал, пару раз прошёлся по кабинету, пыхнул трубкой и обратился уже к Берии: – А, у Вас есть что добавить?

– Разве что детали и нюансы, товарищ Сталин.

– Излагайте.

– План операции изначально разработал полковник Брежнев и план сразу предполагал промежуточные цели рейда – Тихорецк и Ростов. Но Военный Совет фронта, решил подстраховаться и считать, до успешного взятия Тихорецка, эту операцию боями местного значения. По первоначальному графику, ОМБрГ только сегодня должна была начать штурм Тихорецка. Но Брежнев не только немцев смог обхитрить, но и собственное командование удивил. Там никто не рассчитывал на такой молниеносный рейд и решительный успех.

– Ви сказали: «Ростов промежуточная цель»?

– Да, именно так. Между Ростовом и Крымом по берегам Миуса немцы оборудовали сильно укреплённый рубеж обороны. Но сейчас он не заполнен войсками. В Крыму так же практически нет полевых войск противника. Только охранные и полицейские части. Брежнев планирует дождаться, когда немцы со всей округи стянут свои силы к Ростову, и оставив в городе заслон, провести рейд в Крым. По его плану рейд в Крым должен начаться в зависимости от ситуации на 10—15 день после взятия Ростова. Считаю, что если к этому моменту соединения Сталинградского и Закавказского фронтов смогут связать боями немцев в нижнем течении Дона, то рейд ОМБрГ в Крым будет иметь шансы на успех.

– Хорошо, товарищи. Думаю, нам необходимо поступить следующим образом. Первое – чито это за корявая аббревиатура ОМБрГ? Полковник Брежнев – танкист, и соединение у него, по сути, танковое. Вот и пусть называется танковой бригадой. Бойцы бригады совершили великое дело! И Генеральному Штабу необходимо уже сейчас представить всех участников операции к государственным наградам. Полковник Брежнев, думаю, уже заслужил звание Героя Советского Союза. А бригада в целом заслужила звания Гвардейской. Пусть будет 9-й Отдельной Гвардейской танковой Бригадой. Второе – считать целесообразным поддержать инициативу коммуниста Брежнева по досрочному освобождению Крыма от немецко-фашистской

оккупации, – прикололся товарищ Сталин и продолжил, – Третье – шесть часов Вам на окончательное уточнение ситуации на Кавказе, Дону и в Крыму. Ещё шесть часов на составление детального плана как по поддержке действий 9-й ОГТБр в Ростове и Крыму, так и плана окружения и уничтожения вражеской группировки на Северном Кавказе и Дону силами Закавказского и Сталинградского фронтов. При активных действиях на всех остальных участках фронтов и с максимальным привлечением как подразделений подчинённых ЦШПД, так и сил и средств НКВД.

14 декабря 1942 год. г. Берлин.

Ровно в 18—00, рейхсканцлер Третьего рейха и фюрер Германской нации принимал у себя вице-фюрера и рейхсминистра авиации Германа Геринга и начальника Генерального штаба ОКХ генерал-полковника Курта Цейтцлера[78]. Рано польсевший Цейтцлер докладывал, как он пытается исправить ошибки Гальдера[79]. 4-я танковая армия уже через несколько часов пробьёт коридор к окружённой в Сталинграде армии Паулюса. Люфтваффе успешно по воздушному мосту перебрасывают 6-й армии топливо, боеприпасы и продовольствие. Поэтому несгибаемые арийские воины на берегах Волги ни в чём не нуждаются. Правда есть небольшая неприятность. Большевистские партизаны, устроили диверсию в Тихорецк, вывели из строя железнодорожный узел. Но всё уже почти починили.

С извинениями в кабинет входит адъютант Гитлера майор Герхард Энгель и передаёт фюреру два листа с крупно набранным текстом. Гитлер, подслеповато щурясь, читает. Кабинет погружен в тишину. Наконец Гитлер поднимает глаза на присутствующих.

– Что это такое Герман? Что это такое Курт? Мне докладывают – русские в Ростове! Прервано железнодорожное сообщение с группой армий «А»!

Далее следует минут на пятнадцать непереводаемая игра слов на могучем, но бедном на выражения хойдойче. Немного выговорившись, Гитлер отправляет Геринга и Цейтцлера разобрататься в ситуации. Через час они снова в кабинете у фюрера.

– Мой фюрер, – начинает Цейтцлер, – Сегодня ночью на Ростов напали партизаны, в городе вспыхнуло восстание. Всю ночь и день наши части дислоцированные в Ростове отбивали атаки партизан и террористов. Но силы были не равны и гарнизон Ростова организованно отошёл в пригород Аксай. Сейчас мы перегруппировываем силы, подтягиваем к Ростову части 4-ого румынского корпуса и завтра утром начнём уничтожение партизан. Думаю, к завтрашнему обеду город снова будет в наших руках.

– Мой фюрер, – это уже Геринг, – Партизаны обстреляли и захватили аэродром на окраине города. Лётчик сумевший в последний момент взлететь, сделал круг над городом. Он уверяет, что по нему вёлся сильный зенитный огонь и он видел на улицах Ростова минимум двести танков ведущих бой и большинство этих танков наши тройки и четвёрки.

– Но откуда там столько наших танков, они должны быть у Сталинграда и Грозного?

– Для меня это то же загадка, мой фюрер.

– Может быть пилот что-то напутал? – начальник Генштаба чуть не сказал «с перепугу», но вовремя сообразил и не стал задирать вице-фюрера оскорблением его подчинённых, – Ни русских, ни наших танков, тем более в таком количестве там быть не может.

– Пусть Вейхс[80] пошлёт разведку, и завтра он должен выбить большевиков из Ростова. И передайте Готу, чтобы не останавливался. Я хочу следующий доклад от него получить из Сталинграда.

– Будет исполнено, мой фюрер, – и оба высших офицера рейха пряча облегчение на лицах удалились.

15 декабря 1942 год. г. Ростов.

Из Москвы пришёл приказ – мы теперь гвардейская бригада! А, я ещё и командующий обороной города. Все, кого найду и в строй поставлю – мои подчинённые. Ночью опять почти не спал. Мотался по городу. Организовывал оборону. С востока ещё несколько дней можно

никого не ждать, а вот с запада будут переться все кому не лень. Вчера ближе к вечеру со стороны Шахт к нам припёрлись своим ходом два маршевых батальона с немецким пополнением. У бедняг не была шансов. По плотным колоннам, в упор, десяток ДШК и столько же автоматических пушек. Дай бог, человек пятьдесят убежало из тысячи пришедших.

Командование фронта обещает не батальон, а бригаду десанта к нам перебросить. К рассвету уже половина обещанных десантников прибыла. Два авиаполка, истребительный и штурмовой, тоже уже прилетели. Истребители гоняют немецких авиаразведчиков. Благо немецкую РЛС с помощью немецких же пленных удалось ввести в строй. Разведчики кому-то там то ли ухо, то ли мочку уха отрезали, я не вникал, и теперь трое фрицев на пару с нашими авиаторами сторожат небо над Ростовом. И очень радуются иногда заходящим в гости бригадным разведчикам. Бронепоезд вернулся из Тихорецка, разогнав все мелкие гарнизоны вдоль пути и забрав с собой все паровозы и часть вагонов. В Тихорецке крепят оборону, но немцы на них пока не лезут. Повезло с освобождёнными из батайского лагеря командирами, среди них довольно много артиллеристов. Укомплектовал ими дивизион тяжёлой артиллерии. Сейчас осваивают немецкие 170-ти миллиметровки. Должны очень нам помочь эти трофейные пушки. Народного ополчения набрали уже тыщи три. Ещё один полк сформировали. Все усиленно закапываются в землю, укрепляют подвалы. Минируем подходы к городу. Мин много – сапёров не хватает. Уже два подрыва было, новички—минёры не всегда инструкции соблюдают. Всю бронетехнику закапали и замаскировали по окраинам города. Очень помогли сделанные на всех танках ещё в Кизляре откидные бульдозерные ножи самоокапывателей.

Ближе к обеду вышел из штаба перекурить в сквер. Небо немного прояснилось, выглянуло солнышко. В небе зажужжал немецкий разведчик. К нему устремилась четвёрка краснозвёздных истребителей. К немцу тут же на выручку из-за облаков вынырнуло восемь мессеров. Со стороны Батайска в воздушный бой тут же влились ещё полтора десятка наших истребителей. Ага, хорошо работает немецкая РЛС, наши заранее взлетели и за облаками поджидали, когда немцы вывалятся в чистое небо. Семь – один в нашу пользу. Разведчика завалили и ещё шестерых. Наш пилот вроде успел выпрыгнуть над городом.

Вообще у немцев здесь и сейчас проблемы с авиацией. По моим подсчетам, мы им как минимум уполовинили самолётный парк на Кавказе. На сколько помню – у них должно сейчас быть 500—600 самолётов на весь Северный Кавказ. Но мы им более 300 боевых самолётов на аэродромах подавили, а если с транспортниками считать, то почти 400! А у наших закавказцев в строю под тысячу самолётов. Перевес в нашу пользу в три раза, а может и в шесть! Так что летают тепереча немаки изредка низенько и помаленьку и с оглядкой. Правда не думаю, что долго такая ситуация продлится, пригонит Геринг своих птенцов, сгладит неравенство, но на то время нужно, а времени немцам как раз и не хватает. Морозы крепчают и скоро их армии начнут замерзать в степях Ставропольщины и Краснодарщины, так же как уже начинают мёрзнуть в приволжских степях.

Досмотрел я авиашоу, а ко мне НШ мой верный спешит. Наши пилоты обнаружили выдвижение со стороны Крюково румынской конницы с большим конным же обозом и почти без артиллерии. Пара полков румынских бастардов римских легионеров, наверное, наберётся. До них ещё километров тридцать. Дай бог к вечеру до нас дойдут. Скорее всего где-нибудь у Больших Сал на ночёвку встанут, а с утра как врежут, кааак врежут, разбегутся и ещё раз разбегутся, и задолбаемся их потом ловить. Нет уж мы народ гостеприимный, всех гостей угостить готовы, особенно незваных. Начинаем готовить встречу. Можно, конечно, на кавалерию Илы напустить, но это не то будет. Противник свою неудачу на авиацию спишет. А мне надо что б меня самого всерьёз приняли, что б обосрались до кровавого поноса. Что б серьёзнее к штурму начали готовиться. А где серьёзнее, там и дольше. А нам дольше – как раз подходит.

От Ростова до Сал двадцати километров не будет. Ближе, на ночь глядя, побоятся румыны подойти, а дальше от города остановиться – завтра долго будет до рубежа атаки идти.

Вызываю нужных командиров и ставлю задачу. Разведка уходит в сторону Красного Крыма. Пилотам поставлена задача раз в час мониторить издали движение румынов.

В 19—00 с аэродрома приходят известия – Леонид Ильич – Нострадамус! Предсказал и румыны-телепаты прислушались и послушались. Встают голубчики на ночёвку в Больших Салах. Село раньше большое, а теперь почти все дома-хаты в руинах-головешках. Ставят конники палатки, пытаются собрать дров для печек-костерков. Часам к десяти обустроились, перекусили и начали пытаться заснуть.

Разведка с артнаводчиками к румынскому лагерю поближе подобралась. К румынам гости. Легковушка и пара грузовиков с гансами. Представитель хозяев видимо приехал задачу на завтра ставить. А мы завтра ждать не будем. Рывкнул-грохнул пристрелочный ОФ из 170-миллиметровки. Этим немецким многомиллиметровкам 19 км – не дальность, они и почти на тридцать км достать могут. Через минуту ещё раз рывкнуло-грохнуло. Пристрелялись. Начался концерт. Скорострельность у 17 cm K.Mrs.Laf до двух выстрелов в минуту, но то с опытным расчётом. У нас же пока только раз в минуту получается – учатся люди, привыкают к чужой технике. Дивизион стрелял беглым огнём, каждые три секунды в расположении румынских полков взрывался и разлетался на двести метров осколками почти семидесятикилограммовый чемодан с тротилом. Десять минут солировали артиллеристы, двести снарядов румынам и хорош. Надо ещё немцам оставить, и итальянцам с венграми если забредут на огонёк. И пошли по стерне и ковылям два десятка БТРов с зенитными крупняками на турелях. Лошадей было жалко. Но что делать если, за тобой кобылка, злой обоссавшийся румын прячется. Разлетаются кобылиные кишки, исчезает дурная румынская голова, разлетаясь тысячью кроваво-мозговых капель от попадания 12,7 мм БЗТ или Б-32[81]. А БТР несётся дальше. Кровавый танец войны.

Если когда-нибудь, через 40 -50 лет в Румынии победит демократия – Брежнева объявят военным преступником за геноцид цвета румынской нации и уничтожение племенного фонда румынского коневодства. Их было 14 тысяч, 6 тысяч лошадей и 8 тысяч светлых (ну или светло-коричневых) воинов. Утро 16-го декабря смогли увидеть только 57 избранных – 27 коней-лошадей и 30 светлых в коричневых яблоках дерьма воинов. И дальнейшая участь их была печальна. Коней в скорости немцы порезали на шашлыки. А обгадившиеся воины поголовно двинулись умом и доживали свой век в домах презрения.

Командир второй роты, командовавший дискотекой под Салами, доложил, что пленных взять не удалось. А вот несколько сотен более-менее целых туш лошадей они с собой захватили. С продовольствием у нас пока проблем нет, но город большой и население не маленькое, всех кормить надо. Пригодится конина. Баграмян обещает обалденной казы[82] наделать. Начинаю пускать голодные слюни. Вспоминаю что время отбоя давно прошло. Тяпнул половину наркомовской нормы коньячку французского и завалился спать. День прошёл ну и румын с ним.

16 декабря 1942 год. г. Ростов.

С утра решил немного расширить свою валютную зону. За валюту выступали так хорошо себя показавшие 170-ти миллиметровые осколочно-фугасные снаряды. Десяток выстрелов по немецкой комендатуре в Аксае с корректировкой с самолёта и демонстративное выдвижение в ту сторону десятка танков. И не шибко великий арийский гарнизон спешно улепётывает в Большой Лог. По Большому Логу тоже отработали артиллерией, но вместо танков туда пустил порезвиться штурмовики. А потом скинули листовки. Где популярно на немецком разъяснялись ТТХ немецких же 17 cm K.Mrs.Laf. И обозначался ближайший безопасный пункт для немцев – Новочеркасск. Успеют до обеда туда добраться молодцы, не успеют – у нас снарядов даже не вагон, а несколько составов. Всем тугодумам хватит. Немцы тупить не стали и быстро очистили от своего присутствия трассу Ростов – Новочеркасск. Потом начали такой же диалог с гарнизоном Чалтыря. Правда там было несколько мелких зениток. Вот вместо комендатуры их и распылили. Потом предложили чалтырскому гарнизону убраться от греха сразу

в Таганрог. Немногочисленные тыловые гарнизоны не стали проявлять упорство и свалили по указанному адресу. В общем повеселились, наши артиллеристы подтянули своё мастерство, потренировались воздушные наблюдатели-арткорректировщики, ну и полезное дело сделали, даже два дела – советскую землю освободили и свой мобилизационный существенно потенциал повысили.

До Азова наши пушки доставали на самом пределе. Но всё же решил потиранить и Азовский гарнизон. И не успел. Видимо добежавшие до Новочеркасска немцы пожаловались старшим товарищам. Надёжная FuMG 450 Freya AN (выучил наконец название трофейной РЛС) засекала сотню высотных целей, идущих в нашу сторону со стороны Ворошиловграда. Воздушная тревога. Прячемся – прячем, маскируем. Особое внимание на крупную артиллерию – она залог нашего здорового и крепкого сна, ну или просто сна.

Истребители взлетели всем полком, а полк у нас крутой – четырёх-эскадрильный – 4 самолёта в звене *4 звена в эскадрилье *4 эскадрильи в полку +4 самолёта в звене управления полка – итого 68 машин. Можно сказать спецполк – легендарный 9-й ГИАП, командует там подполковник Шестаков [83], я его в тихую квадратным Львом называю, Лев Львович – он. Полк ассов, созданный для завоевания господства в небе. Расщедрился товарищ Сталин. 9-й ГИАП – часть 8-й воздушной армии Сталинградского фронта, а мы — Закавказский. Передача части с фронта на фронт – только решением Ставки.

Яки полка успели встретить девять девяток юнкерсов в 50-ти километрах от Ростова. Для прикрытия бомберов немцы смогли выделить только два десятка Фокке-Вульф 190.

Я сразу как объявили воздушную тревогу, отправил роту десантников в немецкой форме на ганомагах в сторону Новошахтинска.

Бой был тяжёлый. Фокеров наши ассы почти сразу отогнали-разогнали, а вот юнкерсы плотнее сомкнулись и упрямо пёрли на Ростов. До города удалось прорваться 17-ти юнкерсам. Но прицельно отбомбиться они не смогли. Тридцать пять тонн бомб – это серьёзно, но по обширной площадной цели, с большой высоты – результат был не велик. Разрушения и потери, конечно, были, но бронетехника и артиллерия не пострадали. Сгорело несколько цистерн с ГСМ, но у нас есчо полно.

По результатам воздушного боя 9-й ГИАП отчитался о 12 сбитых фокеров, 68 – юнкерсов, ещё два юнкерса свалили зенитчики над городом. Полк тоже понёс существенные потери – потеряли 22 самолёта. Семерых пилотов смогли вытащить наши десантники, ещё трое в течении двух дней смогли сами выбраться к нам.

Ночью будем ждать – с большой земли пополнение лётчикам обещали прислать.

А по Азову, мы всё же после обеда постреляли, что б оккупантам жизнь мёдом не казалась. Позднее мы узнали, что в этот день была ещё одна попытка воздушного налёта. Девять девяток юнкерсов взлетело в Крыму, но их над Азовским морем перехватила авиация Черноморского флота. До нас никто из той крымской группы не долетел.

16—17 декабря 1942 год. Штаб группы армий «Б», Ворошиловградская область.

Командующий группой армии «Б» [генерал-полковник Максимилиан фон Вейхс](#) был уже вторые сутки устал, зол, растерян и печален. Как всё хорошо начиналось. Удар 4-й танковой на встречу неудачнику Паулюсу, большевики не смогли отразить. Немецкие танцы снова рвутся к Волге. И вдруг эта непонятная диверсия в Тихорецк, остановившая подвоз топлива Готу. И теперь 4-я ТА топчется на месте, потому что если она и дойдёт до Сталинграда, то на последних каплях бензина. Потом откуда-то русские партизаны появляются в Ростове. И уже можно сказать Клейст оказывается в техническом окружении. Хрен с ним, с этим Клейстом, но Фюрер требует срочно вернуть контроль над Ростовом. А из всей группы у него осталась только 2-я полевая армия и 2-я венгерская полевая армия, но они по самые уши завязли под Воронежем – красные как с цепи сорвались – ни одного батальона с фронта снять не получается. Почти все боевые части итальянцев и румын – бьются в котле на Волге или отправлены

туда с Готом. Кое-что румынско-итальянское конечно можно собрать по тылам. Но вряд ли они справятся с задачей штурма большого города. Мы, конечно, их всё равно на Ростов пошлём, но толку точно не будет. По докладу – утром не вышли на связь два румынских кавполка. Пропали. То ли уничтожены, то ли русским сдались, мамалыжные свиньи! Надо просить у фюрера помощи от Клюге[84], у него в группе армий «Центр» целых две танковых армии. Пусть поделится фельдмаршал.

Весь день 16 декабря пошёл в бесконечных совещаниях и бесплодных попытках найти решение проблемы. Печали добавила неудачная попытка авианалёта на Ростов. К вечеру наконец-то третий отдел штаба смог подготовить доклад с информацией о группировке большевиков в Ростове. Читали и обсуждали сводку вместе с начальником штаба. Волосы шевелились, мозги закипали. Как, КАК? Как красные смогли это сделать? По обобщённым данным Абвера рисовалась следующая картина. В Ростов прорвалось соединение партизан или Осназ численностью до 5000 человек. В концлагерях в Ростове содержалось почти 6000 пленных, и их партизаны поставили под ружьё. Позднее самолётами в Ростов были переброшены десантники, до 3000 штыков. Мобилизационный потенциал гражданского населения оценивается как 5000—10 000 человек, военнообязанного возраста. Итого – 19 000 – 24 000 бойцов. И как минимум половина из них – хорошо обученные и имеющие боевой опыт. Бронетехника в основном немецкая, трофейная, и её много, чертовски много! Танков 150—200 единиц, БТРов и БА – более 200. Активно ведутся работы по созданию эшелонированной обороны, очень хорошая маскировка. Имеются 1 или 2 бронепоезда. Артиллерия собственно партизанская плюс захваченная на складах в Ростове – более 150 единиц, включая 18-ть дальнобойных 17-ти сантиметровых пушек, и почти по тысяче снарядов к каждой из них. Пака не уничтожим эти пушки, ближе 30 километров к Ростову лучше не подходить. Опыт румынской кавалерии – показателен. Два полка, за десять минут эти пушки с землёй смешали! А ещё у красных до сотни истребителей и до сотни штурмовиков. И сильная ствольная ПВО. У моей группы все самолёты либо не могут оторваться от Воронежа, либо поддерживают 4-ю танковую армию и воздушный мост к 6-й армии. В общем и самолётов послать в Ростов особо нет. И Клейст сообщает о больших потерях авиации из-за диверсий на аэродромах. У него не лёгкий выбор, если послать авиацию на Ростов, то войска по всему Кавказу останутся вообще без воздушного прикрытия. А если не послать в Ростов, то очень скоро самолёты останутся без топлива, и соответственно и войска без авиаподдержки.

Промежуточный итог: для возвращения контроля над Ростовом необходимо сосредоточить для завоевания господства в воздухе до 200 истребителей и столько же бомбардировщиков для уничтожения крупнокалиберной артиллерии и закопанной в землю бронетехники. Далее – наземная группировка – минимум 200—250 танков, а лучше 300, столько же БТРов, 300 стволов артиллерии и не менее 50—60 тысяч солдат. Есть три варианта, где всё это достать. Привезти из Рейха, перебросить с севера и центра, или развернуть 4-ю танковую со Сталинграда на Ростов. Все три варианта не в моей власти. Нужен приказ фюрера, а он будет в дикой ярости. И в лучшем случае помощь из Рейха или от Клюге придёт через две недели. А 4-я танковая к тому времени встанет без боеприпасов, с сухими баками и будет с лёгкостью съедена большевиками. О том, что со мной сделает фюрер за потерю ещё одной армии – лучше не думать.

Утром наконец – итог окончательный: просим Фюрера о помощи, а Готу рекомендуем – не приказываем! – отходить к Ростову. А камрад Паулюс давал присягу Фюреру и обещал отдать жизнь за Фюрера и Фатерланд. Мы будем помнить его и его солдат, я сам после Победы приеду на Волгу положить венок на мемориале неудачника Фридриха.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.